

Проблема оправданія міра въ философіи Гегеля.

1. Мірозданіе.

Среди проблемъ, съ которыми приходится имѣть дѣло историку метафизическихъ ученій, проблема „возникновенія міра“ занимаетъ особое мѣсто. Великій переходъ отъ „абсолютнаго“ и „безконечнаго“ къ относительному и конечному, облеченный въ живую форму „историческаго“ возникновенія, представляетъ чрезвычайно благодарную тему для того, чтобы раскрыть въ ея трактованіи основную концепцію „абсолютнаго“.

Повидимому, дѣло обстоитъ такъ, что самое существованіе относительнаго и конечнаго міра дѣлаетъ невозможнымъ бытіе абсолютнаго, ибо такой міръ явно полагаетъ предѣлъ *абсолютности* Божественнаго первоначала, отличаясь отъ него и противостоя ему во всѣхъ отношеніяхъ: и по качеству, и въ объемѣ, и по структурѣ, и по способу жизни, и, наконецъ, по своей минувшей и грядущей судьбѣ.) И вотъ, проблема состоитъ именно въ томъ, чтобы показать не только *совмѣстимость* „абсолютнаго“ и „относительнаго“, — Бога и міра, — но ихъ существенную *связанность* и взаимную *необходимость* другъ для друга: Въ разрѣшеніи этой проблемы „абсолютное“ изслѣдуется, раскрывается и утверждается въ самый героическій, въ самый критически-напряженный моментъ своего бытія, когда оно само ставитъ себя въ „не-абсолютное“ *положеніе* и, даже больше, — само приводитъ себя въ *состояніе* относительности, и, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ свою божественную абсолютность. Оно, пови-

димому, завязываетъ *отношеніе* съ чѣмъ-то „другимъ“, — съ „инобытіемъ“; оно „относится“ къ нему и тѣмъ приобщается къ *относительности* и *ограниченію*; но сила его такова, что его „абсолютный“ характеръ загорается отъ этого лишь новымъ свѣтомъ. Обнаружить это съ наглядностью и убѣдительностью, — значить, поистинѣ разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ проблемъ метафизической космологіи, и притомъ такую, которая сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ систематическія нити ученія.

Правильное разрѣшеніе этой проблемы требуетъ прежде всего правильной постановки ея. Именно, должна быть обнаружена совмѣстимость „абсолютнаго“, въ его *подлинной* и *не искаженной* природѣ, съ „относительнымъ міромъ“, взятымъ въ его *дѣйствительныхъ* чертахъ и свойствахъ. Ибо если, съ одной стороны, относительный міръ не будетъ принятъ такимъ, каковъ онъ есть, то возникнетъ опасность *упрощенія* задачи: будетъ преуменьшенъ или совсѣмъ утраченъ тотъ специфическій ядъ относительности, отравы котораго слагаетъ сущность самой проблемы. Если же, съ другой стороны, „абсолютное“ въ созданіи міра и въ существованіи съ нимъ *измѣнится* и *потеряетъ* свою абсолютность, то проблема останется неразрѣшенной: обнаружится, что возникновеніе міра полагаетъ предѣлъ бытію Бога. Въ первомъ случаѣ эмпирической міръ во *всей* своей конечности и относительности останется внѣ разсмотрѣнія; но зато абсолютность Божества будетъ утверждена. Во второмъ случаѣ эмпирической міръ будетъ привлеченъ и разсмотрѣнъ во *всей* своей злосчастной хаотичности; но зато утвердится окончательно, что онъ *не* божественъ и что бытіе Божіе съ нимъ *несовмѣстимо*.

Повидимому, рѣшеніе проблемы лежитъ гдѣ-то въ серединѣ между этими двумя крайностями. Однако найти его представляется дѣломъ весьма нелегкимъ. Множество соблазновъ встаетъ передъ изслѣдователемъ на этомъ пути: растворить и утратить „качество“ въ процессуальной постепенности; принять „понятіе“ за „предметъ понятія“; обѣд-

нить сущность „абсолютнаго“; схематизировать дѣйствительный міръ; отождествить „смысль“ и „благо“, „благо“ и „цѣль“, „цѣль“ и „смысль“... И всѣ эти соблазны, увлекающая изслѣдователя, заставляютъ его обнаружить съ наибольшею очевидностью внутреннюю природу осуществляемаго имъ „спекулятивнаго мышленія“.

Философія Гегеля напряженно выстрадала всю сложность этой проблемы. Она осуществила *первую* крайность въ своемъ основномъ замыслѣ; она была увлечена во *вторую* крайность въ *приступѣ къ осуществленію*; она стремилась обрѣсти *центральное рѣшеніе* и, повидимому, достигала его въ извѣстныхъ областяхъ. При этомъ она приобщилась всѣмъ указаннымъ соблазнамъ, пережила великій кризисъ „панлогизма“ и нашла свое завершеніе въ ученіи о „дѣйствительности“ и объ „образахъ“ міра. Замѣчательно, что всѣ эти исходы осуществляются Гегелемъ *сразу и параллельно*, сильно затрудняя адекватное пониманіе его ученія: такъ, онъ всегда *мечтаетъ* о максимальныхъ перспективахъ замысла, но говорить о нихъ въ тонѣ *достиженія*; онъ неоднократно *впадаетъ* въ пессимистическіе выводы второй крайности и тщетно пытается поправить дѣло ссылкой на то, что конкретный-эмпирический міръ не имѣетъ самостоятельной реальности; и, наконецъ, медленно и не безъ колебаній, онъ пролагаетъ себѣ дорогу къ центральному исходу, слагающему ткань Натуръ-Философіи, Этики, Эстетики и Философіи Религіи. Одна наличность нѣсколькихъ параллельныхъ рѣшеній проблемы свидѣтельствуешь о томъ, что ни одно изъ нихъ не давало искомага удовлетворенія. Средній исходъ до самаго конца тяготѣлъ къ максимальному абсолютизму первой крайности и укрывалъ въ себѣ разлагающій ядъ второй крайности. При такомъ положеніи дѣлъ только осуществленіе указанныхъ соблазновъ могло создать нѣкоторое убѣжище для философскаго оправданія „теодицеи“:

Спекулятивный замыселъ Гегеля (первая крайность) слагается въ своеобразную форму „пан-эпистемизма“ (*наука есть*

все) ¹⁾. Согласно этому замыслу, необходимо показать, что весь рядъ научныхъ спекулятивныхъ категорій образуетъ „всеобщую“ субстанцію міра; что все то, что называется „природой“ въ обширномъ смыслѣ этого слова есть дѣйствительно реальное *видоизмѣненіе* (модусъ) Понятія. Стихія спекулятивнаго „смысла“ ²⁾, слагающая, въ своемъ „сознательно-научномъ“ развитіи, замкнутый хоромъ *научныхъ категорій*, слагаетъ въ своей „космически-осложненной“ и модифицированной жизни—*природу* и *міръ*. Раскрыть и утвердить, что Богъ есть Понятіе и Наука, а *система единичныхъ модификацій Понятія* есть міръ,—значитъ „оправдать міръ“.

Согласно этому замыслу, Наука есть живая и абсолютная сущность міра. Это означаетъ, что спекулятивное Понятіе, которое и есть сама истинная и абсолютная реальность, имѣетъ помимо научной формы, еще иную, *міровую* форму бытія. Однако, въ этой осложненной формѣ мірового бытія *Понятіе отнюдь не утрачиваетъ своей сущности* ³⁾ и своего спекулятивнаго способа жизни. Природа есть „живое выраженіе и образъ разума“ ⁴⁾; она, несмотря на свою конечность, стоитъ выше конечнаго и разсудочныхъ формъ ⁵⁾; ея устройство—разумно ⁶⁾; она есть „имманентная идеальность“ ⁷⁾. „Разумъ и природа абсолютно гармонируютъ; они въ себѣ блаженны“ ⁸⁾. Напрасно думать, что природа есть не болѣе, чѣмъ „агрегатъ міровыхъ вещей“ ⁹⁾; собраніе множества безразличныхъ акциденцій ¹⁰⁾; нѣтъ, она есть си-

¹⁾ Срв. статью „Ученіе Гегеля о реальности и всеобщности мысли“, напечатанную мною въ 123 книгѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“.

²⁾ Срв. статью „Ученіе Гегеля о сущности спекулятивной мысли“, напечатанную мною во II вып. I тома журнала „Логосъ“, изд. т-ва Вольфъ.

³⁾ Срв. Aphor. I. 548.

⁴⁾ „Rationis vivam expressionem ejusque imaginem esse voluit natura“ Diss. 26.

⁵⁾ „Über die Endlichkeit und den Verstand erhaben“. Glaub. 33.

⁶⁾ Glaub. 49.

⁷⁾ Diff. 264.

⁸⁾ „Absolut harmoniren und in Sich selig sind“. Glaub. 49.

⁹⁾ Beweise. 359.

¹⁰⁾ Beweise. A. 463.

стема жизни ¹⁾; органически живущій „универзумъ“ ²⁾; *κοσμος* ³⁾; она есть нѣкое „систематическое цѣлое“, система „порядковъ, ступеней и законовъ“ ⁴⁾. Она имѣетъ свою „первоначальную, незаимствованную, реальную красоту“ ⁵⁾ и въ этой жизни своей она есть нѣчто истинное, живое и священное ⁶⁾. Природа развивается по имманентному ей закону цѣли ⁷⁾; именно поэтому она живетъ, какъ единый организмъ, опредѣляя себя свободно ⁸⁾ и „полагая себя, какъ цѣлое“, въ каждое свое созданіе ⁹⁾. Природа движется „равномѣрно ускореннымъ движеніемъ“ и „наслаждается“ каждымъ новымъ созданіемъ своимъ ¹⁰⁾. Она опредѣляетъ себя *сама*, она есть субъектъ-объектъ ¹¹⁾, она есть „абсолютное самосозерцаніе“ ¹²⁾. „Подобно тому, какъ тотальность жизни содержится столь же въ природѣ полипа, сколь въ природѣ соловья и льва,—подобно этому міровой духъ раскрывалъ въ каждомъ образованіи (Gestalt) свое болѣе смутное или болѣе развитое, но абсолютное самочувствіе (Selbstgefühl) и наслаждался своею сущностью и собою самимъ—въ каждомъ народѣ, въ каждой цѣлокупности нравовъ и законовъ“ ¹³⁾.

При такой разумной и органической структурѣ природнаго и мірового бытія, концепція „пан-эпистемизма“ слагается сама собою безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Міръ есть царство Разума, т.-е. спекулятивнаго Понятія, и философ-

¹⁾ „Ein System der Lebendigkeit“. Beweise. A. 463.

²⁾ Срв., напр., Glaub. 113. 148. Enc. I. 396. Beweise. A. 462. 463. Beweise. B. 469.

³⁾ Beweise. B. 470.

⁴⁾ Beweise. 359.

⁵⁾ „Ihre ursprüngliche ungeborgte reelle Schönheit“. Glaub. 148.

⁶⁾ Срв. Glaub. 142. 143.

⁷⁾ Log. III. 210.

⁸⁾ „Natur hat Freiheit“. Diff. 265. 266.

⁹⁾ Diff. 265.

¹⁰⁾ W. Beh. 421.

¹¹⁾ Diff. 257. 258. 261.

¹²⁾ W. Beh. 395. Aphor. I. 548.

¹³⁾ W. Beh. 415.

ская наука формулируетъ то самое, что совершается въ мірѣ и природѣ. Всякая „природная вещь“ есть не что иное, какъ модусъ Понятія, т.-е., въ сущности говоря,—само Понятіе. „Тѣло есть не что иное, какъ явленіе физической силы, или, что то же (sive), истинной Идеи“¹⁾. Вещи—это „Понятія, поскольку они сначала являются представленію и рефлексіи въ видѣ иного“²⁾ (т.-е. инобытія); какъ тѣло³⁾, такъ и душа⁴⁾ суть модификаціи спекулятивнаго Понятія, „населенныя“ или „одушевленныя“ имъ. *Законъ Понятія есть законъ міра; реальность Понятія есть реальность міра. Спекулятивная наука не только „познаетъ“, но содержитъ въ себѣ абсолютную реальность природы и міра.*

При такой концепціи остается, конечно, видимое различіе между „міромъ“ и философской „наукой“; но это различіе есть различіе не качественное, а лишь по способу бытія. „Вещь“ — это такое состояніе Понятія, при которомъ оно только *создаетъ* себя, но еще не *сознаетъ* себя въ этомъ самотворчествѣ. Именно поэтому міръ и природа вполне поддаются философскому познанію, ибо научное познаніе есть только *осознаніе Понятіемъ самого себя*. Познаніе есть не что иное, какъ *освобожденіе объективнаго Понятія субъективныма Понятіемъ отъ безсознательной формы*. Спекулятивное Понятіе, придавшее себѣ въ мірѣ безсознательную форму (напр. планеты, растенія) достигаетъ черезъ творчество спекулятивно-научной мысли—осознанія; а такъ какъ Понятіе и въ своей безсознательной жизни и въ своемъ сознательномъ состояніи *остается единымъ*, то это познаніе есть *самопознаніе*. Вещь, какъ „модусъ“ *сознательной* жизни Понятія *совпадаетъ* съ вещью, какъ „модусомъ“ *безсознательной* жизни Понятія. Первая есть истинная и подлинная сущность второй, — ея „истина“; вторая есть не болѣе, какъ низшая ступень, низ-

1) „Nihil enim aliud est corpus, quam vis physicae, sive verae ideae phaenomenon“. Diss. 21.

2) Log. III. 330—331.

3) Enc. II. 344.

4) Enc. III. 150.

шая „потенція“ первой. Спекулятивный смыслъ, жившій безсознательно въ дѣйствительномъ организмѣ есть тотъ самый *смыслъ организма*, который положенъ въ себѣ Понятіемъ, раскрывающимъ свое содержаніе въ *наукѣ*. Созерцающая мысль видитъ во всемъ только себя; и она *права* въ этомъ: ибо кромѣ нея *нѣтъ ничего*; кромѣ нея, есть только она же въ спекулятивно не-до-освобожденномъ видѣ. Понятіе въ его низшемъ состояніи открыто Понятію въ его высшемъ состояніи, ибо міръ и наука суть состоянія одной и той же *единой и абсолютной, самоопредѣляющейся субстанции: живой, творческой мысли*. Спекулятивной философіи достаточно обратиться къ природѣ, и покрывало Изиды „растаетъ“¹⁾: мысль узнаетъ во всемъ кровь отъ крови своей²⁾ и видитъ только свои собственныя опредѣленія³⁾. А такъ какъ по общему правилу высшая ступень спекулятивнаго процесса есть истина и сущность низшей ступени, то Понятіе, сложившееся въ *спекулятивной наукѣ*, есть истина и сущность одноименнаго *мірового фрагмента*.

Это соотношеніе можно представить себѣ такъ, что Понятіе, всегда и невозбранно сохраняющее свою природу (въ этомъ его „свобода“!), какъ бы *дважды создаетъ каждую вещь*: одинъ разъ — безсознательно, полагая ее, какъ *смыслъ „въ инобытіи“*; другой разъ — сознательно, полагая ее въ научномъ знаніи, какъ *смыслъ, вернувшійся къ себѣ*. Поэтому чудесная съ виду встрѣча „объекта“, „вещи“, — съ „субъектомъ“, „понятіемъ“, обнаруживающая ихъ „тождество“ и заканчивающаяся ихъ „совпаденіемъ“, есть встрѣча „двухъ“ сторонъ только для поверхностнаго взгляда. По существу же въ нѣдрахъ субстанціальной жизни это есть актъ *само-освобожденія*. Говоря обычнымъ языкомъ, можно сказать: *подлинная, живая сущность явленія реально содержится въ понятіи, формулированномъ въ спекулятивной наукѣ*. Научное Понятіе есть не „абстрактное представленіе“, но *живая метафизи-*

1) Енс. II. 17 (Z.).

2) Срв. Recht. 35 (Z.).

3) Енс. II. 271; срв. Енс. II. 695 (Z.). 696 (Z.).

ческая сила, „невѣсомый дѣятель“¹⁾, творящій себя *сначала въ видѣ „мира“, а потомъ въ видѣ „научной категоріи“*. Понятіе организма, сложившееся въ спекулятивной наукѣ, не просто „соотвѣтствуетъ“ жизни реальнаго организма, или „вѣрно выражаетъ“ ее; нѣтъ, философъ, „построя“ идею организма, *движимъ въ сознаниі своемъ тою самою подлинною реальною сущностью организма, тою живою органическою силою Понятія, которая творитъ себя безсознательно въ явленіи организма, еще не имѣя возможности спекулятивно осознать себя. То, что бьется, и борется, и страдаетъ въ живомъ организмѣ, то самое осуществляетъ себя въ сознаниі философствующей души, и то самое зреть себя освобожденнымъ и преобразенно-возставшимъ въ формѣ научной категоріи. Живое творческое Понятіе само заколдовало себя въ образъ вещи; и само чаеъ освобожденія; и само освобождаетъ себя къ высшей жизни. Смысль спекулятивнаго понятія „вещи“ и смыслъ, скрытый въ явленіи „вещи“, есть одинъ и тотъ же реальный смыслъ, создавшій себѣ въ творческомъ бореніи достойную форму жизни. Миръ и наука *слагаютъ единый спекулятивный рядъ* восхожденія, совершаемаго Понятіемъ. Наука есть результатъ этой борьбы, ея завершеніе, ея побѣдоносное увѣнчаніе. Отсюда ея покой²⁾.*

„Научная истина есть спокойный, все освѣщающій и радующій свѣтъ и въ то же время теплота, въ которой все сразу произрастаетъ, и распускается, и раскрываетъ на просторѣ жизни свои внутреннія сокровища“³⁾. Она есть та Всеобщность, которая дѣйствительно „во все проникаетъ“, все наполняетъ и животворитъ: живая сущность міра, включающая его въ себя и напоющая его своею „силою“ и „любовью“. Разумъ какъ бы просто „говоритъ“ всему, что оно есть“, и тѣмъ утверждаетъ себя властели-

1) Срв.: „Imponderable Agentien“. Log. III. 187.

2) „Ruhe des Erkennens“. Aphor. I. 541.

3) Aphor. I. 541.

номъ міра ¹⁾. *Наука есть сознательно развернувшая себя сущность мірового бытія и эта сущность есть всеблагая субстанція, — Божество.*

Мечта о божественности міра, о космосѣ-организмѣ, разъосѣнивъ душу Гегеля, не оставляла ее до конца. Слѣды этой мечты, съ такимъ огнемъ формулированной въ его первыхъ напечатанныхъ при жизни статьяхъ, можно найти въ самыхъ позднихъ произведеніяхъ его, надъ которыми онъ работалъ въ послѣдніе годы жизни ²⁾. Эта мечта, нашедшая себѣ выраженіе въ концепціи „панэпистемизма“, повидимому представлялась ему иногда осуществленной въ его системѣ или, по крайней мѣрѣ, осуществимой средствами спекулятивной философіи.

Однако, если даже его ученіе и пытается иногда признать въ мірѣ качественно-подлинный спекулятивный строй (т.е. что міръ діалектически движется къ органической всеобщности), то оно *не* пытается утвердить этотъ строй для мірозданія *въ цѣломъ*. Строго говоря, Гегель *никогда* не вѣрилъ въ возможность „принять“ и „оправдать“ *всѣ эмпирически-конечныя вещи и состоянія міра*. Даже въ самый оптимистическій періодъ своего философствованія, когда онъ выступалъ съ первыми статьями, полными зрѣлаго интуитивнаго видѣнія и открывавшими повидимому безпредѣльную перспективу, — онъ не считалъ возможнымъ цѣлостное, эмпирически-исчерпывающее мірооправданіе. Нельзя „вывести“, „обосновать“, или „построить“ *все*, данное въ конечномъ чувственномъ мірѣ ³⁾; это недоступно даже для истинной, всевидящей спекулятивной философіи. „Дедукція“ и „конструкція“ *единичныхъ, конкретно-эмпирическихъ вещей* не входитъ въ ея задачу, и притомъ не только потому, что

¹⁾ Срв. Aphor. 541.

²⁾ Срв. аутентическій текстъ лекцій „Beweise für das Dasein Gottes“. SS 359. 383. 390. 412. Срв. также Beweise. A. 462—463. Beweise. B. 468—469. 470. Свѣдѣнія объ этомъ текстѣ даетъ Марейнке въ предисловіи къ первому тому Лекцій Гегеля о Философіи Религіи.

³⁾ Срв. Krug. 58. Phän. 78.

это познавательно неосуществимо, но и въ силу болѣе глубокихъ, онтологическихъ основаній.

Гегель, повидимому, никогда не дѣлалъ попытки *осуществить* послѣдовательно, до конца, концепцію „панэпистемизма“, и даже тогда, когда философія исторіи поставила передъ нимъ задачу осмыслить *эмпирически-единичное*, какъ *спекулятивно-единственное*, Гегель не рѣшился выговорить всего и принять *всѣ* выводы.

Но именно въ силу этого нельзя приписывать ему *даже въ замыслѣ* спекулятивное пріятіе *эмпирическаго міра* въ цѣломъ, какъ такового. Панэпистемизмъ Гегеля, въ его самыя рѣшительныя и послѣдовательныя минуты, не приѣмлетъ „дискретнаго хаоса“ для спекулятивнаго оправданія. Это означаетъ, что Гегель созерцаетъ „конечный міръ“ не въ труднѣйшемъ и не въ злѣйшемъ составѣ его и *упускаетъ* въ разрѣшеніи основной проблемы *отраву относительности*. *Формально* это упущеніе не мѣшаетъ его замыслу сохранять характеръ „панэпистемизма“: отвлекаясь отъ всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя раскрываются въ составѣ предметнаго матеріала, Гегель обнаруживаетъ склонность изображать эмпирической міръ, въ его специфическихъ чертахъ и свойствахъ, какъ продуктъ простой *познавательной ошибки* человеческого сознанія. Этотъ „міръ“—не есть ни „объективный“, ни „самостоятельный“, ни „реальный“; познавательно—онъ есть „иллюзія“, онтологически—„ничто“. Онъ *не* участвуетъ въ „космосѣ“ и не входитъ въ тотъ великій „панъ“, о научности и разумности котораго говоритъ философія. „Міръ“—спекулятивенъ и божественъ. Проблема разрѣшена—цѣною отреченія отъ „эмпирическаго міра“.

И вотъ смѣлая и глубокая мечта „панэпистемизма“, оригинально и глубоко возрождавшая *спинозизмъ* въ духѣ *романтики*, должна была потерпѣть крушеніе. Ядъ эмпирической относительности долженъ былъ неизбежно напомнить о своемъ *объективномъ существованіи* и заставить считаться со своею не иллюзорною и не мнимою, но *реальною* противоразумною силою.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно гармоническое и радостное „самосознаніе“ мірового Понятія въ наукѣ, если въ самомъ мірѣ обнаружится стихія противоразумной самобытности? Если гармонія между „разумомъ“ и „природой“ нарушится тѣмъ, что одна изъ этихъ сторонъ *сохранитъ* свой божественный строй, а другая *смѣшается*, растеряется или закружится въ хаосѣ? Если окажется, что міръ, хотя бы и порожденный божественной необходимостью, сталъ все-таки жертвою дурной случайности? Если въ глубинѣ его вспыхнетъ жажда разъединенія, если способъ его бытія противостоянетъ разуму, а за „красотою“ и „блаженствомъ“ природы откроется нескончаемая цѣпь зла, уродства и страданія? Тогда дурной, конечный, единичный, чувственный міръ противостоянетъ совершенной, безконечной Всеобщности, сверхчувственной, спекулятивной субстанции Божества. Тогда *теогонія* не включитъ въ свой путь *міра*, а *космогонія* явится извергнутой изъ божественной сферы.

Попытка *осуществить* философски великій переходъ отъ абсолютнаго къ относительному поставила Гегеля лицомъ къ лицу именно съ такимъ возстаніемъ хаоса.

Начало этого „перехода“ описывается у Гегеля въ исходѣ „логическаго“ процесса.

Согласно основному закону понятія, требующему непрерывнаго обогащенія Абсолютнаго, Идея не можетъ остановиться на достигнутомъ ею въ Логикѣ состояніи. Дальнѣйшаго прогресса требуетъ законъ „всеобщности“, по которому Субстанція должна развернуть себя до конца и, не выходя изъ своихъ предѣловъ, предстать въ видѣ исчерпывающей системы создаваемыхъ ею и проникнутыхъ ею міровыхъ „единичностей“. Однако, дальнѣйшее „движеніе“ и обогащеніе, нисходящее къ единичностямъ міра, не можетъ совершаться въ томъ же самомъ элементѣ „чистаго понятія“, потому что *всѣ* возможные состоянія и опредѣленія этого послѣдняго уже осуществлены, раскрыты и сосредоточены въ порядкѣ діалектическаго накопленія и органическаго сращенія. Дальнѣйшій путь Божій требуетъ

обновления *самаго элемента*, т.-е. того уровня, или, того материала, изъ котораго или въ которомъ слагаются состоянія Божества.

Это обновленіе должно, согласно закону „діалектики“, увести Божество въ „противоположное“ состояніе съ тѣмъ, чтобы, далѣе, осуществилось состояніе высшаго примиренія между этими противоположными состояніями. И вотъ, если первая (въ систематическомъ отношеніи) наука, Логика, *„изображаетъ Бога, какъ онъ есть въ своей вѣчной сущности до созданія природы и конечнаго духа“* ¹⁾, то послѣдующія науки должны изобразить бытіе Божіе въ его „природномъ“ и, далѣе, „антропоморфномъ“ состояніи ²⁾, такъ чтобы достойнымъ увѣнчаніемъ всего этого „процесса“ явилась бы жизнь спекулятивно созрѣвшаго и философски мыслящаго человѣческаго сознанія, посвящающаго свои силы созерцающему мышленію Божества. Отсюда возможность и необходимость говорить о „Логикѣ“ дважды—въ началѣ мірозданія („Логика начала“) и въ концѣ міро-развитія („Логика конца“) ³⁾.

Въ „Логикѣ-начала“ Понятіе „движется“, какъ и вездѣ, внутреннимъ, творческимъ процессомъ; при этомъ оно остается вѣрнымъ своей „чистой“ природѣ и процессъ его—есть процессъ „самомышленія“ ⁴⁾. Однако это „самомышленіе“ совершается въ ней безъ всякаго сознанія и до всякаго самосознанія, въ бессознательной „непосредственной погруженности“ Понятія въ свою собственную сущность ⁵⁾. Вся „Логика начала“ сравнительно съ высшимъ, грядущимъ достиженіемъ есть лишь бессознательная, наивная первобытность, непосредственно осуществленная въ себѣ Божествомъ. И вотъ, для того, чтобы осуществить

¹⁾ Log. I. 36. Курсивъ Гегеля.

²⁾ Срв. напр. Enc. III. 468.

³⁾ Log. III. 272.

⁴⁾ Срв.: Enc. I. 408. Log. I. 35. Log. III. 244.

⁵⁾ Срв.: Log. IV. 18. Enc. VI. 468. Log. III. 272—273. Log III. 328. 328—329.

въ себѣ „сознаніе“ и „само-со-знаніе“, Идея, жившая въ „Логикѣ начала“ *до-со-знательной* или *внѣ-со-знательной* мыслью (т.-е. въ еще не нашедшей себя спекулятивно-мыслительной растворенности), осуществляетъ въ себѣ состояніе *вполнѣ без-мысленное и незнающее*. Непосредственное „самомышленіе Понятія“, состоявшееся въ „Логикѣ начала“, должно замѣниться *опосредствованно-непосредственнымъ* „самомышленіемъ Понятія“, осуществляющимся въ „Логикѣ конца“ и въ зрѣлой философіи. Это „опосредствованіе“ состоитъ въ отрывѣ *объекта* отъ *субъекта*. Объективный, предметный элементъ Божества (то, что мыслится въ „Логикѣ начала“) отрывается отъ его субъективнаго, мыслящаго элемента (отъ того что само *мыслитъ* въ „Логикѣ начала“) и полагается самостоятельно. Субъективный элементъ, — „смыслъ мыслящій“, — „снимается“ ¹⁾ и какъ бы угашается. Остается одинъ объективный, — „смыслъ мыслимый“, — „голая объективность“ ²⁾, „внѣшняя объективность“ ³⁾, *objectum*, т.-е. *противо-брошенное* и слѣдовательно, *противолежащее*; это есть нѣкое *ἀντικείμενον*, предметъ (отъ „метать“), въ его самостоятельности и самобытности. Божество, творившее себя доселѣ *посредствомъ до-сознательнаго само-мышленія* и поднявшееся на этомъ пути до *максимальнаго богатства*, *предается* теперь *до-со-знательному не-мыслящему самосозиданію*, для того, чтобы черезъ *утрату всякаго мышленія* осуществить *со-знательное мышленіе*, и, далѣе, *спекулятивно-самозабвенное объективное сознаніе* въ философіи вообще и, особенно, въ „Логикѣ конца“.

Это обновленіе элемента и получаетъ у Гегеля значеніе „созданія міра“. Оно происходитъ такъ, что въ Идеѣ осуществляется нѣкоторый, ею самою производимый актъ, который Гегель описываетъ, какъ „свободное отпусканіе“ ⁴⁾

¹⁾ Log. III. 352.

²⁾ Log. III. 353.

³⁾ Enc. III. 13.

⁴⁾ Log. III. 353; срв. Phän. 610. Log. I. 64. Rel. II. 47; срв. также „ausgleitet“, „fällt“ Aphor. I. 540.

себя въ состояніе „инобытія“¹⁾). Съ внѣшней точки зрѣнія дѣло сводится къ тому, что „Абсолютную Идею“, какъ послѣднюю ступень Логики начала, надлежитъ понять или усмотрѣть въ нѣкоторомъ новомъ смыслѣ: сила разумѣющаго воображенія должна подставить другое значеніе въ тѣ же самыя атрибуты и свойства. Но въ метафизическомъ отношеніи эта перемѣна означаетъ *исходный актъ міро-созиданія*.

Къ концу логическаго процесса Идея доходитъ до исчерпывающей и конкретной (т.-е. органически-сращенной) полноты бытія. Она достигаетъ полнаго „единства съ собою“²⁾ или, что то же, непосредственнаго³⁾ отношенія къ себѣ, или, что то же, — „созерцанія“ себя⁴⁾; въ этой *созерцающей непосредственности бытія* она и должна двинуться дальше т.-е. перейти отъ всеобщаго къ особенному⁵⁾, сообщить себѣ болѣе специфическія опредѣленія, принявъ все свое добытое богатство за бѣдную и пустую, *неопредѣленную „тотальность“*⁶⁾. Она должна „отпустить“ себя въ новый „чисто-объективный“ путь, „рѣшиться“⁷⁾ на новое самоотрицаніе. Богатство, уже осуществленное ею въ себѣ, гарантируетъ ей въ грядущемъ побѣду и придаетъ ей въ этомъ „свободномъ“⁸⁾ самоотпусканіи „абсолютную увѣренность и внутренній покой“⁹⁾; она сохраняетъ свою „совершенную прозрачность“¹⁰⁾ и только творчески мѣняетъ форму или способъ своего бытія.

Именно, отпадаетъ „субъективное“ и остается „объек-

1) „Anderssein“. Срв. напр. Log. I. 124. Log. III. 27. 328—329. Enc. I. 26. Enc. II. 23 Beweise. 392 и др.

2) Enc. I. 413.

3) Срв. напр. Enc. I. 414; а также Log. I. 64—65. Log. III. 26—27. 352—353.

4) Enc. I. 413.

5) Enc. I. 414. Beweise. 449.

6) Срв. Log. III. 352—353.

7) Enc. I. 414.

8) Log. III. 353. Enc. I. 413.

9) „Ihrer absolut sicher und in sich ruhend“. Log. III. 353.

10) „Uollkommen durchsichtig“. Log. III. 353.

тивное“, угашается „созерцающее“ и остается только „созерцаемое“. Возникает нѣкое доступное непосредственному созерцанію „простое бытіе“¹⁾; нѣкая неопредѣленная, покоющаяся, прозрачная тотальность: *пустое пространство*, первая и бѣднѣйшая ступень природной жизни. От нея и начинается все дальнѣйшее: Идея начинает жить въ формѣ объекта, она получает видъ „внѣшности пространства и времени, сущей безъ субъективности“²⁾.

„Дальнѣйшее“ является прежде всего не спекулятивнымъ рядомъ научнаго развитія, но *эмпирическимъ рядомъ мірозда- нія: природы и человѣческой души*. Это могло бы быть ясно уже изъ одного того, что Идея нуждается въ *діалектическомъ обновленіи* своего элемента, т.-е. въ удаленіи изъ своего первоначальнаго спекулятивнаго (т.-е. мыслящаго „субъектъ объективнаго“) состоянія. Задача этого удаленія состоитъ именно въ томъ, чтобы создать *реально-сущее инобытіе*. Для того, чтобы могло осуществиться *сознательное тождество субъекта и объекта*, необходимо, чтобы сначала „объектъ“ получилъ отдѣльное, обособленное отъ „субъекта“ существованіе, съ тѣмъ, чтобы имѣющій „привзойти“ къ нему впоследствии „субъектъ“ могъ сдѣлать его „пред-метомъ“ своего „со-знанія“. Этотъ процессъ Гегель описываетъ словами: „Логическое становится природой, а природа—духомъ“³⁾.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ *философски-систематическомъ* ряду за „Логикой“ слѣдуетъ не природа, а „Натуръ-Философія“. Однако въ *космологическомъ* порядкѣ Идея „уходитъ“ именно *не въ науку о природѣ, а въ природу*. И съ этимъ уходомъ Понятіе теряетъ свой спекулятивно-мыслящій видъ и облекается въ форму *немыслящей, безсознательной, пространственно-временной вещи*. Создается не новая наука, пребывающая въ элементѣ спекулятивной сознатель-

1) „Das einfache Sein“. Log. III. 353.

2) „Die Absolut für sich selbst ohne Subjectivität seiende Aeusserlichkeit des Raums und der Zeit.“ Log. III. 353.

3) „Das Logische wird zur Natur, und die Natur zum Geiste“. Enc. III. 468.

ности, но *вещественная среда, мѣръ конечно существованія*. Отпуская себя, Идея какъ бы „перевертывается“ и превращается въ „непосредственность внѣшняго и единично оформленнаго быванія“ ¹⁾. Понятіе изображаетъ себя въ формѣ *вещественности и чувственнаго бытія* ²⁾; оно облекается въ смертныя одежды и принимаетъ видъ *конкретнаго-эмпирическаго*.

Таково космологическое значеніе этого перехода, влекущаго за собою чрезвычайно серьезныя и глубокія метафизическія послѣдствія. Эти послѣдствія выражаются въ томъ, что Идея погружается въ состояніе *немыслящее, безвластное и растерянное*.

Идея существуетъ въ природѣ въ *безсознательной* формѣ. Однако эта „безсознательность“ ея не имѣетъ уже того невиннаго и безвреднаго характера, который предносился Гегелю въ стадіи замысла. Въ ряду естественныхъ ступеней ³⁾, восходящихъ отъ пространства, какъ простѣйшаго элемента природы, къ *человѣческой душѣ*, погруженной въ философское созерцаніе, какъ высшему моменту *мірового бытія*, сознаніе и мышленіе есть значительно „позднѣйшій“ продуктъ идеи: даже въ предѣлахъ *душевной* жизни вся естественная, психо-физическая и чувствующая жизнь стоитъ ниже той ступени ⁴⁾, на которой совершается „пробужденіе души“ ⁵⁾ къ сознанію и самосознанію. На всѣхъ же низшихъ ступеняхъ сознаніе, какъ таковое *вовсе не присуще Понятію*: оно ведетъ жизнь безмысленной погруженности въ *свое инобытіе*. „Солнце, животное“ — „не имѣютъ понятія“ ⁶⁾, т.-е. *мысленно не владѣютъ своей смысловою сущностью*; Понятіе не становится для нихъ предметомъ ⁷⁾, оно не су-

¹⁾ „Umschlagen der Idee in die Unmittelbarkeit äusserlichen und vereinzelter Daseins“. Enc. III. 30.

²⁾ Срв. Phän. 189.

³⁾ Enc. II. 22.

⁴⁾ Срв. Enc. III. § 388—§ 417.

⁵⁾ Срв. Enc. III. 246—247. 249.

⁶⁾ Beweise. B. 475.

⁷⁾ Ibidem.

существуетъ въ нихъ „для себя“ ¹⁾; оно существуетъ въ нихъ только „внутреннимъ“ ²⁾, т.-е. существенно-скрытымъ образомъ, и потому оно пребываетъ въ нихъ *не въ истинномъ видѣ своемъ* ³⁾. На всѣхъ этихъ ступеняхъ Понятіе есть лишь „внутреннее“, въ себѣ сущее естество природы, „безсознательный творецъ“ ⁴⁾, безсознательный телось ⁵⁾, безсознательно проникающій дѣятель ⁶⁾. Здѣсь Понятіе—„слѣпо“, оно „не ухватываетъ себя“, т.-е. „оно есть немыслящее Понятіе“ ⁷⁾. „Не сознающее“ ничего, „незнающее“ ⁸⁾, оно какъ бы „спитъ въ природѣ“ ⁹⁾; и даже „глухое самочувствіе“ ¹⁰⁾ пробуждается у него лишь на ступени „животнаго организма“.

Мышленіе, эта абсолютная сила и власть, *измѣняетъ* Понятію, отпавшему въ инобытіе. Эта измѣна наноситъ жизни Понятія и его строю тяжелый ударъ: *Идея лишается своей спекулятивной власти*. Новый „элементъ“ овладѣваетъ положеніемъ дѣль; онъ преодолеваетъ силу Понятія, вовлекаетъ его въ вихрь своей дискретной жизни и попираетъ его стальной ритмъ. Съ нескрываемой растерянностью и беспомощностью говорить нерѣдко Гегель о той беспомощности и растерянности, въ которой внезапно оказывается Понятіе.

Вступивъ во „внѣшнее существованіе“ ¹¹⁾, опустившись въ „чувственный элементъ“ ¹²⁾, Понятіе „облекаетъ свое зерно пестрою корою“ ¹³⁾ и оказывается въ ея власти. Жизнь

¹⁾ Enc. II. 636 (Z).

²⁾ Срв. Log. II. 182.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ „Nur der bewusste Werkmeister“. Enc. II. 636 (Z). Срв. Enc. III. 30 (Z).

⁵⁾ Срв. Enc. II. 607. Enc. III. 105.

⁶⁾ Log. III. 187—188.

⁷⁾ „Blind“, „sichselbst nicht fassend“, „d. h. nicht denkender Begriff“. Log. III. 18.

⁸⁾ „Nicht als bewusster, noch weniger als gewusster Begriff“. Log. I. 51.

⁹⁾ Enc. III. 30 (Z).

¹⁰⁾ W. Beh. 415.

¹¹⁾ «Äussere Existenz» Recht. 17—18.

¹²⁾ «Das Sinnliche Element» Enc. III. 32 (Z).

¹³⁾ Recht. 18. Срв. Briefe II. 37.

его утрачиваетъ свое высшее, стройное единство: воцаряется *множество*; множество получаетъ значеніе *положительное и преобладающее* ¹⁾. Обнаруживается „лишенное Понятія, слѣпое многообразіе“ ²⁾, „безконечное богатство формъ, явленій и образованій“ ³⁾. Понятіе дѣйствительно „выходитъ изъ себя“ ⁴⁾ и разбредается ⁵⁾; оно распространяется ⁶⁾, разсѣивается ⁷⁾, разбѣгается ⁸⁾. „Природѣ, такъ какъ она есть бытіе Понятія *внѣ себя*, предоставлено разойтись въ этомъ различіи“ ⁹⁾, разбросаться ¹⁰⁾ въ потокѣ перепутавшихся ¹¹⁾ единичностей ¹²⁾. Естественно, что при такой „безконечной дифференціаціи“ ¹³⁾, природа оказывается „безсильной удержать и изобразить строгость Понятія“ ¹⁴⁾, а Понятіе оказывается слишкомъ слабымъ ¹⁵⁾ для того, чтобы сдержать множество природныхъ явленій и подчинить ихъ своему строю. Но именно поэтому въ эмпирическомъ мірѣ воцаряется „равнодушная случайность“ и „неопредѣленная беспорядочность“ ¹⁶⁾. Природа есть „утрата Понятія“ ¹⁷⁾, „отпаденіе идеи отъ себя самой“ ¹⁸⁾. Въ томъ видѣ какъ „она есть,—ея бытіе не соотвѣтствуетъ ея Понятію“ ¹⁹⁾. Идея остается въ ней несогласованною съ собой, несоглас-

¹⁾ «Das Viele—das Erste, das Positive ist.» W. Beh. 347. 395. Срв. Enc. III. 51 (Z).

²⁾ Log. III. 45.

³⁾ Recht. 18.

⁴⁾ Log. III. 63.

⁵⁾ Срв. «treibt sich... herum». Log. III. 45.

⁶⁾ „Sich ausbreiten“. Phän. 9.

⁷⁾ „Sich zerstreuen“. Beweise. 438.

⁸⁾ „Sich verlaufen“ Log. III. 45.

⁹⁾ Log. III. 45.

¹⁰⁾ „Auseinandergeworfen“ W. Beh. 395.

¹¹⁾ „Bunte verworrene Gesellschaft“. Briefe. II. 37.

¹²⁾ Log. III. 63; срв. Enc. III. 32 (Z).

¹³⁾ „Unendlich differentiirte Vermittelung“ W. Beh. 395.

¹⁴⁾ „Ohnmacht der Natur“... Log. III. 45.

¹⁵⁾ „Schwäche des Begriffs in der Natur überhaupt“. Enc. II. 651.

¹⁶⁾ „Gleichgültige Zufälligkeit“, „unbestimmbare Regellosigkeit“. Enc. II. 36.

¹⁷⁾ „Verlust des Begriffs“. Log. III. 63; срв. Phän. 9.

¹⁸⁾ „Abfall der Idee von sich selbst“. Enc. II. 28.

¹⁹⁾ Enc. II. 28.

мѣрною себѣ ¹⁾, ибо „природныя вещи изображаютъ разумность лишь совершенно внѣшнимъ и единичнымъ образомъ“ ²⁾.

Это несоотвѣтствіе понятію превращаетъ природу въ сферу конечнаго ³⁾, въ „неистинный, дурной предметъ“ ⁴⁾, въ „неразрѣшенное противорѣчіе“ ⁵⁾, въ нѣчто „противоположное Понятію“ ⁶⁾. Въ природѣ обнаруживается прямое *сопротивленіе Понятію* и его спекулятивно-сдерживающему единству ⁷⁾ и поэтому *происшествія ея и фрагменты ея* *бываютъ нерѣдко лишены спекулятивнаго значенія*. Многообразныя „роды и виды“, создаваемые ею, слѣдуетъ разсматривать, какъ *произвольныя выдумки и причудливыя представленія*, встрѣчающіяся и въ жизни души ⁸⁾, и Натуръ-Философія совсѣмъ не должна ⁹⁾ считаться со всѣми, нерѣдко совершенно непонятными ¹⁰⁾ явленіями природы. Въ этомъ мірѣ даже не все имѣетъ жизнь; но то, что *не* скрываетъ въ себѣ жизни, — то не есть Понятіе ¹¹⁾, то имѣетъ на себѣ только „видимость бытія“ ¹²⁾; это есть „лишь трупъ жизненнаго процесса“ ¹³⁾, не болѣе, чѣмъ „реальная возможность“ ¹⁴⁾.

Напрасно было бы думать, что дѣло обстоитъ лучше въ эмпирической жизни души. И здѣсь духъ разбредается въ безконечномъ множествѣ случайныхъ и произвольныхъ

1) „Unangemessenheit mit sich“. Enc. II. 28.

2) Recht. 212.

3) Срв. Beweise. B. 476.

4) Briefe. II. 79.

5) „Der unaufgelöste Widerspruch.“ Enc. II. 28. 36.

6) „Das Gegentheil des Begriffs“. Niet. 341.

7) Срв. Enc. II. 696. (Z). Briefe. II. 37.

8) „Als die Willkürlichen Einfälle des Geistes in seinen Vorstellungen“. Log. III. 45.

9) Enc. II. 124.

10) Enc. II. 93. (Z).

11) Enc. II. 602; срв. Enc. II. 40. (Z).

12) „Nur den Schein des Seins“. Beweise. A. 46.

13) „Nur der Leichnam des Lebensprocesses“. Enc. II. 423; срв. Phän. 259-260 и др.

14) Log. III. 335.

представлений ¹⁾, въ хаосѣ душевныхъ явленій ²⁾, уходя въ непостижимый и „смутный“ ³⁾ „лабиринтъ психическаго“ ⁴⁾. Жизнь души—это „темная сфера“, гдѣ нѣтъ ничего „прочнаго, опредѣленнаго и вѣрнаго“, гдѣ всюду сверкають обманчивые свѣты и отсвѣты, гдѣ всѣ нити теряются и обрываются ⁵⁾. И здѣсь, какъ во всемъ эмпирическомъ мѣрѣ, всѣ „дѣятельности, направленія, цѣли и дѣйствія“ духа разорваны ⁶⁾ и перепутаны; душа живетъ въ смутныхъ взаимодействіяхъ съ природой и съ тѣломъ, предоставленная въ жертву „внѣшнимъ вліяніямъ“ и единичнымъ „обстоятельствамъ“, обреченная снамъ, предчувствіямъ и игрѣ субъективныхъ представлений ⁷⁾. Здѣсь царитъ неразумное ⁸⁾ существованіе.

Однако, эмпирической мѣрѣ, объемлющей природу и человека, не только уклоняется отъ слѣдованія спекулятивнымъ законамъ и отъ осуществленія истиннаго строя; онъ осуществляетъ *свой* строй, подобный полному отсутствію строя, и *свой* порядокъ, изливающийся въ отсутствіе истиннаго порядка. Этотъ строй и порядокъ рѣзко отличается отъ спекулятивной закономерности. Спекулятивный рядъ единъ и единственъ; эмпирической мѣрѣ слетается изъ множества пересѣкающихся и обрывающихся рядовъ ⁹⁾. Спекулятивное развитіе осуществляется, движимое „абсолютной необходимостью“ ¹⁰⁾; эмпирическая эволюція ¹¹⁾ знаетъ только внѣшнюю ¹²⁾, низменную ¹³⁾, механическую ¹⁴⁾ необходи-

1) Log. III. 45.

2) Briefe. I. 264.

3) Briefe. I. 263.

4) Срв. Briefe. I. 264.

5) Срв. Briefe. I. 263—264.

6) Beweise. 351.

7) Срв. Log. III. 271.

8) Ibidem.

9) „Gestört“ „unterbrochen“. Beweise. 397.

10) Срв. Log. II. 215. 216. Enc. I. 293. 299—300. 405. Beweise. 438.

11) Срв. „Entstehungsweisen“. Enc. II. 300.

12) Log. III. 46.

13) „Gemein“. Glaub. 127. W. Beh. 368.

14) Alp. 481. Log. III. 213. 241; срв. W. Beh. 332. 368.

мость, которая есть не что иное, какъ разсудочное выраженіе слѣпой случайности ¹⁾. Члены спекулятивнаго порядка связаны другъ съ другомъ діалектически и конкретно, т.-е. внутренней, органической связью сращенія ²⁾; фрагменты эмпирическаго міра стоятъ во внѣшнемъ взаимодействіи ³⁾ и подвержены закону причинности ⁴⁾. Время, безсильное въ спекулятивномъ ряду, есть существенная форма конечнаго міра ⁵⁾; поэтому фрагменты его смертны и подлежатъ распаденію ⁶⁾. Жизнь понятія свободна, ибо вѣдаетъ только свой внутренней законъ; природа же въ своемъ существованіи не знаетъ свободы ⁷⁾, пребывая во внѣшнихъ взаимодействіяхъ и „безсознательномъ отупѣніи“ ⁸⁾.

Спекулятивный порядокъ нарушается въ природѣ болѣе всего тѣмъ, что ея „особенныя ступени и опредѣленія“ остаются въ видѣ самостоятельныхъ существованій (Existenzen) позади и не включаются органически въ высшія, или, что то же, „болѣе глубокія“ формации ⁹⁾. Отсюда въ природѣ такое обиліе повтореній и „скука“ отъ бесплоднаго и ненужнаго избытка ¹⁰⁾. Идея оказывается безсильной „проработать“ ¹¹⁾ это обиліе случайныхъ событій и обстоятельствъ, и въ результатъ всего этого „развитіе индивидуальности“ оказывается подверженнымъ „внѣшнимъ случайностямъ“ и уродливымъ уклоненіямъ (Monstrositäten), болѣзнямъ, „угрозамъ и опасностямъ“ ¹²⁾. *Единичности эмпири-*

¹⁾ Срв. Diff. 265. Glaub. 146. W. Beh. 358. Enc. I. 24. Enc. II. 28. 36. Beweise. 397. 398. 400. 437—438.

²⁾ Срв. примѣнительно къ Naturъ-Философіи: Enc. II. 32. 32. 38—39. 423—424.

³⁾ Enc. II. 36. Beweise. 438.

⁴⁾ Briefe II. Glaub. 142. 117 и др.

⁵⁾ Enc. II. 54. Enc. III. 89. Recht. 66; см. также Феноменологію Духа и Философію Истории.

⁶⁾ Beweise. 351.

⁷⁾ Enc. II. 28. Recht. 87. Ph. G. 58.

⁸⁾ „Bewusstlose Stumpfheit“. Ph. G. 58.

⁹⁾ Срв. Enc. III. 12—13.

¹⁰⁾ Срв. Ph. G. 51.

¹¹⁾ „Nicht vollkommen durchgearbeitet“. Log. III. 239.

¹²⁾ Enc. II. 651.

ческаго міра не включены органически во всеобщность божественной субстанции: „физическая природа“ имѣетъ „свой собственный ходъ и свои собственные законы“ ¹⁾, а естественный составъ человѣка заставляетъ его служить „партикулярнымъ цѣлямъ“ и уклоняетъ его отъ высшаго спекулятивнаго закона добра ²⁾. Затерянный въ этомъ мірѣ и оторванный отъ Божества, человѣкъ ведетъ жизнь, „неувѣренную, боязливую и несчастную“ ³⁾.

Изъ всего этого съ очевидностью выясняется, что самоотпускание Идеи повергаетъ ее въ злосчастную бездну „конкретнаго - эмпирическаго“. „Отпаденіе“ Идеи оказывается ея „падениемъ“, и къ новому состоянію ея должно быть отнесено и примѣнено все, что Гегель формулировалъ и говорилъ объ эмпирической конкретности. И, прежде всего, этотъ міръ чувственнаго быванія оказывается *спекулятивно-непріемлемымъ*: Понятіе стоитъ здѣсь въ безвыходной необходимости *отвергнуть себя за отпаденіе отъ себя*. Міръ не можетъ быть „оправданъ“.

Таковъ тотъ второй исходъ, къ которому былъ приведенъ Гегель: относительный міръ, взятый въ своемъ подлинномъ составѣ, *не* живетъ жизнью спекулятивной разумности. Онъ—самобытенъ, имѣетъ *свой* строй и *свою* судьбу. Ритмъ божественнаго процесса *не* есть его ритмъ, и достиженіе „конкретнаго“ состоянія оказывается этому міру не по силамъ. Космогонія не можетъ быть включена въ линію Божія пути, а теогонія не можетъ обогатиться міровыми состояніями.

Понятно, что и въ этомъ случаѣ великій переходъ отъ абсолютнаго къ относительному остается не обоснованнымъ и не раскрытымъ.

Въ первомъ исходѣ (замыселъ „панэпистемизма“) Божество и міръ стояли въ гармонической примиренности; но міръ былъ освобожденъ отъ специфической отравы от-

¹⁾ Beweise. A. 465.

²⁾ Срв. Beweise. A. 464—465.

³⁾ Enc. II. 651. Aesth. I. 194. 199.

носительности и, слѣдовательно, „перехода“ отъ абсолютнаго къ относительному просто „не было“. Божество оставалось *высшей* абсолютностью; природа являлась *низшей* абсолютностью. *Око спекулятивной философіи не видѣло эмпирической относительности*, и потому доступъ къ основной проблемѣ „перехода“ былъ закрытъ для философа.

Во второмъ исходѣ (осуществленіе эмпирической растерянности) отравка относительности оказывается включенною въ міръ: *око спекулятивной философіи узрѣло сущность конкретнаго эмпирическаго* и тѣмъ открыло себѣ доступъ къ проблемѣ „перехода“. Философія пытается даже рассказать о томъ, какъ этотъ „переходъ“ совершается, но результаты „перехода“ ставятъ ее въ безпомощное положеніе. Абсолютное, отпустивъ себя въ міръ, подчиняется хаосу и увлекается его беззаконіемъ. Это не Богъ создалъ міръ и возсіалъ въ немъ; это *міръ возсталъ на Бога, поглотилъ его и увлекъ его въ бездну*. Если „переходъ“ состоялся, то онъ былъ крушеніемъ для „абсолютнаго“. Но „абсолютное“, какъ таковое, не можетъ потерпѣть крушенія, ибо то, что подвержено умаленію или вырожденію,—то не есть „абсолютное“. И потому, если „переходъ“ состоялся, то это былъ переходъ *не* абсолютнаго, а чего-то иного. Но это означаетъ, что основная проблема остается не рѣшенной.

Это философское затрудненіе можетъ быть изложено еще такъ. Если допустить, что „абсолютное“ дѣйствительно совершило этотъ „переходъ“, то необходимо признать, что оно послѣ него *утратило* свою абсолютность. Ибо возникъ *конечный* міръ, самобытный и самозаконный, — „инобытіе“ для абсолютнаго. Но абсолютное не можетъ имѣть инобытія; въ этомъ его основная сущность. Поэтому Идея, растерявшаяся въ міръ чувственной эмпирии, не есть уже болѣе Идея: *понятіе погибаетъ въ созданномъ имъ самимъ хаосѣ*. И Гегелю предстоитъ взять на себя роль чародѣя, спасающаго своего ученика отъ вызванныхъ имъ къ бытію силъ непокорнаго мрака.

Спекулятивная мечта, зажегшая Шеллинга и взлелѣянная

Гегелемъ, терпять, повидимому, великое крушеніе. Все философское ученіе Гегеля должно быть разсмотрѣно подъ знакомъ этого крушенія, ибо каждая ступень его, зримо или незримо, насыщена этою мечтой; каждое новое произведеніе *спасаетъ то, что осталось отъ этого крушенія и дѣлаетъ своеобразныя уступки*. Гегель *кончаетъ не тѣмъ, съ чего начинается*. И не доводитъ этого до полнаго сознанія. Это и даетъ ему возможность причудливо сплестать *нѣсколько различныхъ рѣшеній проблемы* въ одно, выговаривая почти сразу, единымъ духомъ *свою мечту, ея крушеніе и средній, компромиссный исходъ*. Слагается *единое, но многоголосое рѣшеніе*, подчасъ лишь съ большимъ трудомъ поддающееся дешифрированію. И это внутреннее разногласіе совмѣщается съ нѣкоторой глубокой и существенной эволюціей въ отношеніи къ конкретному-эмпирическому, коренящейся и протекающей нерѣдко въ полусознанныхъ струяхъ и оттѣнкахъ.

Мечта о томъ, что міръ цѣлостно прекрасенъ, наталкивается на упорство эмпирическаго множества и приводитъ философа къ гнѣвнымъ попыткамъ *отвернуть бытіе чувственою міра*. Освободиться, очиститься, отдѣлаться отъ него такъ или иначе было однимъ изъ его основныхъ стремленій. Здѣсь лежитъ негативный паѳосъ его философіи и этому негативному паѳосу Гегель остался вѣренъ съ начала и до конца. Съ исключительной неутомимостью, свидѣтельствующей объ интенсивности и глубинѣ скрытаго здѣсь аффекта, Гегель пользуется каждымъ поводомъ для того, чтобы *скомпрометировать бытіе конкретнаго-эмпирическаго* и совлечь съ него всѣ опредѣленія и всѣ украшения, приданныя ему наивно-реалистическимъ міровоспріятіемъ и біологически-прагматическимъ отношеніемъ ¹⁾. Цѣлью всѣхъ этихъ нападеній является обнаруженіе того, что конкретное-эмпирическое, какъ таковое, не имѣетъ бытія, что оно, въ сущности говоря, есть ничто. То, что *имѣетъ видимость проти-*

¹⁾ Срв., напр., о „Begierde“. Aesth. I. 48. 49. 51.

Вопросы философіи, кн. 132—133.

вразумнаго, то и есть пустая видимость. Задача человѣческаго духа состоитъ въ томъ, чтобы не поддаться этой чувственной видимости, проникающей въ душу, заражающей ее своею природою и растворяющей ее въ животно-образной непосредственности, но отвернуться отъ нея и освободиться отъ ея власти. Конкретное-эмпирическое—это то, чего *нѣтъ*, и что *только кажется*.

Бытіе Божіе и бытіе чувственного хаоса *несовмѣстимы*. Но бытіе Бога *очевидно* силою высшей и послѣдней очевидности, и философъ *предпочитаетъ не вѣрить своимъ земнымъ очамъ*. Онъ не разъ поясняетъ и открыто настаиваетъ на томъ, что истинный пантеизмъ есть *акосмизмъ*. И это „міроотрицаніе“ слѣдуетъ понимать не только въ томъ смыслѣ, что спекулятивный составъ „міра“, есть не „міръ“, а подлинная ткань Божественной жизни, но еще и въ томъ значеніи, что *бытіе Божіе равносильно небытію конкретнаго-эмпирическаго*.

Понятно, что такая гнѣвная попытка отвергнуть міръ, при всемъ ея *спекулятивно-педагогическомъ* значеніи и при всей ея *тисеологической* глубинѣ и продуктивности, не рѣшаетъ основную проблему „перехода отъ абсолютнаго къ относительному“, но снимаетъ ее и оставляетъ безъ разрѣшенія. Если конкретный-эмпирическій міръ есть *«ничто»*, то самая проблема отношенія Бога къ нему есть *мнимая* проблема. И вотъ, если „замыселъ панэпистемизма“ не замѣчалъ эмпирическаго міра, то исходъ „эмпирической растерянности“ стремится разоблачить его и отвергнуть.

Однако, здѣсь возникаетъ великое недоумѣніе: какъ же могло случиться, что *спекулятивно-необходимое и абсолютно-реальное творчество Идеи* измилось въ *пустую иллюзію*? Если эмпирическій міръ въ его самобытности и самозаконности есть дѣйствительно продуктъ Идеи, то невозможно допустить его иллюзорность. Если же онъ не есть продуктъ Идеи, то спекулятивной философіи лучше будетъ умолкнуть, ибо тогда подорвано въ корнѣ ея основное откровеніе о *единствѣ и благодатности сущаго*.

Всѣ эти затрудненія достигаютъ своего апогея именно тогда, когда Гегель видитъ *содержательную прикованность* философскихъ наукъ къ эмпирическому бытію. Въ раннюю эпоху своихъ исканій онъ полагалъ по крайней мѣрѣ, что можно поставить спекулятивную „дедукцію“ *надъ* опытнымъ изслѣдованіемъ въ качествѣ высшаго судьи: „то, относительно чего философія докажетъ (erweist), что оно не реально, не можетъ воистину встрѣтиться (wahrhaft vorkommen) въ опытѣ“ ¹⁾. Пусть послѣ этого *доказательства* останется еще несогласное „мнѣніе“, но объ „истинности мнѣній“ и объ „объективности представленій“ „можетъ рѣшать (ausmachen) только философія“ ²⁾...

Однако, съ годами и съ переходомъ къ осуществленію „конкретныхъ наукъ“, посвященныхъ міру, Гегель убѣдился, что философскія дисциплины получаютъ свой „матеріаль“ отъ эмпирическаго изслѣдованія ³⁾. Тогда онъ заговорилъ не объ отверженіи эмпирическихъ мнѣній, но о мудрой организациі симбіоза между философіей и эмпирическимъ знаніемъ. „Философія не только должна согласоваться съ испытаніемъ природы (Natur-Erfahrung), но развитіе и образованіе философской науки имѣетъ своей предпосылкой и своимъ условіемъ эмпирическую физику“ ⁴⁾. Натуръ-Философія беретъ тотъ, „матеріаль (Stoff), который физика подготавливаетъ для нея изъ опыта... и преобразуетъ его“, не полагая, впрочемъ, „въ основаніе опытъ въ качествѣ послѣдняго подтвержденія“ ⁵⁾, но имѣя въ виду законы спекулятивнаго понятія. Гегель открыто признаетъ, что только „дурной предразсудокъ“ можетъ привести къ воззрѣнію, будто философія стоитъ во враждѣ „съ осмысленнымъ (sinnig) опытнымъ познаніемъ“; напротивъ, философія „призна-

1) W. Beh.

2) W. Beh. 403.

3) Срв., напр., Ph. G. 13. 14 и др.

4) Епс. II. 11.

5) Епс. II. 18. (Z).

еть“ его и „даже оправдывает“ ¹⁾). Необходимо, чтобы между философией и эмпирическими науками установились „согласие и дружба“ ²⁾, ибо философия *нуждается* въ точномъ и объективномъ знаніи о бытіи, свойствахъ и связяхъ эмпирическаго міра. Гегель иногда даже не настаиваетъ на томъ окольномъ пути, который ведетъ отъ чувственно-эмпирическаго — черезъ формальную абстракцію — къ спекулятивному знанію. Увлеченный художественнымъ методомъ Гёте, онъ говоритъ о „*мыслящемъ наблюдении*“, какъ правомѣрномъ пути въ познаніи природы ³⁾ и искусства. Это уже *не созерцающее мышление*, направленное на „живой смыслъ“, но *«мыслящее созерцание»*, имѣющее дѣло съ *чувственно-воплощеннымъ понятіемъ* и восходящее непосредственно отъ эмпирической „конкретной данности“ къ спекулятивной „конкретной всеобщности, къ роду“ ⁵⁾ въ его метафизическомъ значеніи.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ конкретному-эмпирическому отрицать его бытіе и его значеніе оказывается невозможнымъ. Если эмпирический міръ имѣетъ бытіе и притомъ столь самобытное и самозаконное, что философия вынуждена допустить для его раскрытія особый способъ или даже нѣсколько способовъ ⁶⁾, то *исключеніе его изъ пути Божія противопоставитъ «абсолютному» самобытное «относительное», и пантеизмъ разложится въ этомъ онтологическомъ дуализмѣ*. Если же философия попытается избѣжать этого крушенія тѣмъ, что включить конкретное эмпирическое въ подлинную ткань Божія пути, то концепція пантеизма будетъ спасена, но *сущность абсолютной субстанции вос-*

¹⁾ Enc. I. S. XIII, изъ предисловія ко второму изданію Энциклопедіи, подписаннаго въ 1827 г.

²⁾ „Neutiquam repugnare illi concensui et amicitiae, quam inter philosophiam et eas scientias, quae uno vocabulo empiricae nuncupari solent, revera obtinere reputamus“. 3 lat. 308, отъ 1829 года.

³⁾ „Begreifende Betrachtung“. Enc. II. 11.

⁴⁾ „Denkende Betrachtung“ Aesth. I. 16.

⁵⁾ Срв. Enc. I. 398.

⁶⁾ См. Enc. I. § 227.

приметь въ себя великую ирраціональную сферу, именуемую чувственнымъ міромъ.

Отверженіе эмпирическаго міра оказывается неосуществимымъ, во-первыхъ, потому, что его *непосредственная наличность, интенсивность существованія, самобытность и содержательное богатство* заставляютъ признать его; во-вторыхъ, потому, что метафизическое заданіе Гегеля состоитъ именно въ не-отрицаніи, въ *пріятіи* его.

И вотъ, глубочайшая сила вещей — голосъ предметнаго обстоянія и невозможность оправдать основное метафизическое откровеніе — заставляютъ философію искать новаго разрѣшенія проблемы.

2. О дѣйствительности.

Философія Гегеля находитъ свою судьбу въ необходимости принять то, что неприемлемо для ея основного видѣнія и исповѣданія. Отринуть эмпирической міръ не значитъ, превратить его въ ничто: онъ остается непосредственно *наличнымъ* для самаго зоркаго и предметнаго философскаго сознанія; онъ сохраняетъ интенсивное до неотвязчивости *существованіе*, зовущее за собою и *вовлекающее въ свою жизнь* не только чувственно-растерявшееся, но и *спекулятивно-освобожденное* человѣческое сознаніе; онъ обнаруживаетъ повсемѣстно *своеобразный ходъ и самобытный законъ*, требующій признанія и научнаго осмысленія; наконецъ, онъ скрываетъ въ себѣ *содержательно-предметное богатство*, облеченное въ него и сросшееся съ нимъ такъ, что мыслитель, *отрицающій его видимый способъ бытія*, *закрываетъ себѣ доступъ* и къ самому кладу духовнаго содержанія. Отринуть эмпирической міръ значитъ предать жизнь идеи или *оскуднѣнію* или *самообману*, ибо отринутое будетъ все-таки принято и использовано незамѣтнымъ образомъ. Отринуть эмпирической міръ значитъ признать, что онъ *не благъ*, что онъ чуждъ Божіей силѣ и обреченъ своимъ злосчастнымъ путемъ; это значитъ подорвать въ корнѣ откровеніе *теодицеи и пантеизма*.

Эта необходимость принять и органически включить въ философію міръ конечный и относительный, не можетъ явиться неожиданной для психологически-вдумчиваго историка философіи. То, отъ чего душа или философія отворачивается со столь интенсивнымъ или упорнымъ аффектомъ, можетъ быть à priori признано за реальную и существенную сторону предмета; самая радикальность отрицанія даетъ основаніе предвидѣть, что убитое и ликвидированное возстанетъ въ видѣ философскаго „ревенанта“, и что судьба отрицающаго ученія слагается въ существенномъ отношеніи къ тому, что отрицается. Сущность природы, нравственности и исторіи, искусства и религіи раскрываетъ съ совершенной наглядностью невозможность исключить изъ пути Божія „конкретное-эмпирическое“.

Принять конкретное-эмпирическое значитъ включить его въ составъ Божія пути; значитъ снять основную дилемму, въ силу которой міръ или „спекулятивень“, или „эмпиричень“. Задача, представшая Гегелю, сводилась къ тому, чтобы *преодолѣть это взаимоисключеніе*. Необходимо было показать, что міръ не только эмпирически-конкретенъ, но и разуменъ, не только хаотиченъ, но и спекулятивно конкретенъ. Силою вещей разрѣшеніе этой задачи получило центральное значеніе для всей его метафизической концепціи.

Міръ совмѣщаетъ въ себѣ силу спекулятивной мысли и чувственно-эмпирическую стихію—вотъ тезисъ, который надлежитъ раскрыть Гегелю. Это совмѣщеніе могло бы быть построено двояко: или монистически, если бы Гегель показалъ, что конкретно-эмпирическое беззаконіе при ближайшемъ разсмотрѣніи цѣликомъ сводится къ особому сплетенію спекулятивныхъ законовъ; или дуалистически, если бы было обнаружено, что міръ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ двойной составъ, укрывая въ себѣ два стоящихъ въ сосуществованіи или въ симбіозѣ начала. Первый исходъ означалъ бы такое пріятіе конкретнаго-эмпирическаго, которое было бы истиннымъ и полнымъ преодолѣніемъ его и осуществило бы мечту панэпистемизма, развѣнчавъ самобытность иррацио-

нальнаго; о такомъ полномъ и побѣдномъ пріятіи міра Гегель, повидимому, и не думалъ. Стихія „инобытія“ осталась для него чужеродной, и ученіе о *дѣйствительности* получило опредѣленно *дуалистическій* характеръ. Его указанія на то, что „все-таки“ Понятіе имѣетъ дѣло *только* съ собою, остается *философски не оправданнымъ* религіознымъ постулатомъ и тщетно пытается скрыть за *спинозіанскою видимою платоническій дуализмъ*.

Итакъ, принять эмпирической элементъ значить показать, что дѣйствительно въ его ткани осуществился, овладѣвъ ею и подчинивъ ее себѣ, ритмъ спекулятивнаго Понятія и что, обратно, спекулятивное Понятіе совершаетъ свое раскрытіе именно въ средствахъ чувственнаго существованія. Это означаетъ, что въ мірѣ должна быть обнаружена *тройкая конкретизація*: во-первыхъ, подлинная органичность Понятія, во-вторыхъ, способность эмпирическихъ фрагментовъ къ органическому симбіозу другъ съ другомъ и, въ-третьихъ, возможность настоящаго „сращенія“ между двумя противоположными стихіями. Всякое иное сочетание свидѣтельствовало бы о томъ, что пріятіе чувственнаго элемента не удалось и не состоялось, что враждебныя стихіи *стоятъ рядомъ* въ недопустимой *дискретности* и что, слѣдовательно, *эмпирическая стихія оформила по-своему встрѣчу съ Понятіемъ* и тѣмъ одержала надъ нимъ верхъ. А между тѣмъ побѣда высшаго элемента состоитъ именно въ томъ, чтобы не позволить низшему элементу навязать себѣ низшій способъ жизни и отношенія: встрѣча должна произойти на высшемъ уровнѣ, иначе осуществится побѣда низины.

Пріятіе эмпирическаго предполагаетъ, слѣдовательно, осуществимость закона спекулятивной конкретности въ отношеніи между обѣими противоположными стихіями. Должно обнаружиться, что онѣ дѣйствительно способны ко *взаимному проникновенію*, несмотря на свое разнзаконіе и на свою самобытность. Конкретное-эмпирическое должно обнаружить способность къ *осуществленію въ себѣ спекулятивной законности* и, тѣмъ самымъ, къ *органическому сращенію съ Поня-*

тіемъ. Стихія могутъ „срастись“ только тогда, если низшая приметъ законъ высшей, какъ свой собственный законъ. Сраще- ніе стихій будетъ состоять именно въ томъ, что живой, творческій ритмъ высшей возсіяетъ въ терминахъ низшей и, такимъ образомъ, всѣ три конкретизаціи окажутся однимъ единымъ событіемъ: земное загорится небеснымъ огнемъ.

Для пониманія этой примиряющей, срединной концепціи, важно имѣть въ виду то отношеніе, которое слагается между наукою и міромъ. Именно: міръ *въ известномъ смыслѣ совпадаетъ* со спекулятивной наукой, но *въ известномъ смыслѣ не совпадаетъ*, ибо наука имѣетъ *простой и единый* составъ, а міръ имѣетъ составъ *сложный—двойной*.

Все это соотношеніе слѣдуетъ представлять себѣ такъ. Каждая „конкретная“ наука (т.-е. наука о мірѣ) есть рядъ категорій или состояній спекулятивнаго Понятія; эти состоянія свои Идея создаетъ „сначала“ въ бессознательно-эмпирическомъ видѣ, въ формѣ „міровыхъ вещей“, а „потомъ“ опознаетъ ихъ сознательнымъ духомъ человѣка и убѣждается, что категоріи міра образуютъ спекулятивно-связную и прогрессивно восходящую цѣпь. Тѣ самыя спекулятивно-мыслящія себя (въ человѣческой душѣ) категоріи, которыя сплетаются въ научный рядъ,—обнаруживаются въ видѣ живыхъ, реальныхъ силъ и *въ мірѣ эмпирическаго быванія. Категоріи науки и категоріи міра суть едино*; это тѣ же самыя творческія сущности, поднявшіяся отъ бессознательнаго самоосуществленія къ сознательному самораскрытію. Однако, въ чувственномъ мірѣ эти „категоріи-силы“ стоятъ не въ той или, вѣрнѣе, *не только* въ той прогрессивно восходящей цѣпи, въ которой ихъ раскрываетъ философія: съ одной стороны ихъ спекулятивная связь *сохраняется въ мірѣ*, ибо она опредѣляется ихъ основнымъ неизмѣнившимся содержаніемъ; однако, съ другой стороны, онѣ *погружены въ безпорядокъ* чувственнаго міра и въ борьбу за самоосуществленіе. Онѣ подобны въ этомъ валкиріямъ, которыя сохраняютъ свою индивидуальность и свое стар-

шинство, разлетаясь по землѣ въ поискахъ за героями для Валгаллы.

Далѣе, въ низшей эмпирической реальности „категоріи-силы“ живутъ и дѣйствуютъ не въ своемъ классически-спекулятивномъ видѣ, но въ формѣ, *осложненной чувственными опредѣленіями*. Такъ, если первая категорія Натуръ-Философій есть „пустое пространство“, то это не значитъ, что въ эмпирическомъ мірѣ *дѣйствительно* существуетъ пустое пространство. Въ мірѣ существуетъ не „пространство вообще“, но единичные, наполненные куски пространства, проникнутые, однако, какъ таковые, пространственной *всеобщностью*. Точно такъ же „всеобщая стихія воздуха“, „всеобщая стихія огня“, „электричества“, „органичности“, „растительности“, „животности“ и „души“,—не находимы въ чувственномъ мірѣ въ своей категоріальной чистотѣ, но всегда лишь въ видѣ *единично* опредѣленныхъ, „здѣсь-теперь“ находящихся видоизмѣненій. Стихія Понятія образуетъ ту *спекулятивную* всеобщность, которая погружена въ *эмпирическія единичности*, осложнена ими и иногда ими деградирована.

И вотъ, поскольку *міръ* причастенъ „категоріямъ-силамъ“, постольку можно говорить о „*тождествѣ*“ между нимъ и наукой. Однако, и это тождество имѣетъ свои предѣлы: *только побѣды категорій* регистрируются въ научномъ ряду, тогда какъ ихъ пораженія остаются извергнутыми. Валкирія, вернувшаяся безъ героя, какъ бы не принимается въ Валгаллу. И вслѣдствіе этого *объемъ спекулятивной науки* и *объемъ міра* не совпадаютъ, подобно тому, какъ не совпадаетъ ихъ *качественный составъ*: объемъ міра включаетъ въ себя множество спекулятивно не „осмысленныхъ“ вещей и состояній.

Ясно, что то, что обычно называется „міромъ“, т.-е. вся совокупность пространственно-временныхъ вещей и событий, имѣетъ въ себѣ *двойной составъ*: „*внутренно-спекулятивный*“ и „*внѣшне-эмпирическій*“. Поскольку спекулятивный составъ міра преодолеваетъ эмпирическую среду, постольку

міръ включается въ путь божественнаго восхожденія; но поскольку одерживаетъ верхъ неразумная стихія, постольку путь Божій не объемлетъ міра. Необходимо, чтобы въ мірѣ состоялся праздникъ спекулятивнаго примиренія и сраженія между двумя стихіями, и только тогда *единичность эмпирическаго быванія* становится *единичностью спекулятивнаго бытія* и „построется“ во „всеобщемъ“ видѣ спекулятивною наукою.

Это можно выразить такъ, что „міръ“ дѣлится дважды на двѣ части: одинъ разъ по составу, другой разъ по объему.

Во-первыхъ, *по содержанію* всѣ вещи и фрагменты міра состоятъ изъ двухъ стихій: спекулятивно-внутренней и эмпирически-внѣшней. Все въ этомъ мірѣ есть борьба между ноуменальною силою „логической“ субстанции и феноменальною силою „чувственнаго“ элемента. Борьба эта имѣетъ передъ собою еще *неопредѣленно-огромную перспективу будущаго восхожденія. Освободится ли міръ когда-нибудь отъ чувственаго элемента совсѣмъ*,—на это у Гегеля нѣтъ указаній; онъ полагаетъ, что это осуществимо только для человека, и притомъ только *внутренно*, и притомъ только въ *спекулятивномъ мышленіи*; возможно ли, что „міръ“ однажды цѣликомъ превратится въ „тотальность“ индивидуальныхъ спекулятивно-мыслящихъ „духовъ“, остается неизвѣстнымъ. Невьясненнымъ до конца остается и обратный вопросъ: *существуютъ ли въ мірѣ такіе фрагменты и состоянія, которые состоятъ только изъ одной эмпирической стихіи*. Принципіально Гегель не можетъ этого допустить, и когда философская интуиція оставляетъ его безпомощнымъ передъ лицомъ какого-нибудь міроваго фрагмента, онъ съ силою религіозной очевидности взываетъ къ основному откровенію: вещь, въ которой не присутствовала бы сила Божія,—объективно невозможна, и, если она есть,—то ея нѣтъ. Онъ готовъ къ величайшему напряженію спекулятивнаго „объясненія“, къ самой неожиданной *минимализаціи* своего заданія, наконецъ, къ отрицанію наличнаго обстоянія, но не къ допущенію „чистаго

хаоса“. Естественно, что при такой концепции подъ изгоняемымъ „конкретнымъ эмпирическимъ“ слѣдуетъ разумѣть именно эти упорствующіе остатки, дразнящіе философа личиною чистаго хаоса: философъ отвѣчаетъ имъ тѣмъ, что сводитъ ихъ къ познавательной иллюзии.

Во-вторыхъ, весь *объемъ* міра дѣлится на такіе фрагменты, въ которыхъ „спекулятивная стихія“ побѣдила, и на такіе, въ которыхъ она потерпѣла поражение. Первые являютъ собою чистый и побѣдоносный типъ „Идеи въ инобытіи“; они легко поддаются спекулятивной „конструкціи“ въ наукѣ и слагаютъ рядъ спекулятивныхъ единичностей, входящихъ въ объемъ научныхъ категорій и разумѣмыхъ за ними, въ перспективѣ міра. Такъ, на примѣръ, каждое истинное произведеніе искусства есть „единичность“, модифицирующая ту или иную категорію Эстетики; каждое осуществленіе нравственности есть „единичность“ по отношенію къ соотвѣтствующей категоріи Философіи права и т. д. *Полному* включенію ихъ въ науку можетъ помѣшать только ихъ эмпирическая форма существованія.

На ряду съ такими фрагментами „спекулятивной побѣды“, слѣдовало бы поставить фрагменты, осуществляющіе *полное* поражение Понятія. Гегель избѣгаетъ говорить о нихъ, по видимому, не усматривая ихъ или не вѣря въ ихъ возможность. Зато ему приходится считаться съ множествомъ „среднихъ“ состояній въ мірѣ, въ которыхъ стихіи стоятъ въ *длѣщемся* противоборствѣ, осуществляя каждая *частичную* побѣду и *частичное* пораженіе. Въ сущности подавляющее большинство явленій должно быть отнесено именно къ этой средней группѣ, и судьба ихъ будетъ соотвѣтствовать ихъ природѣ: они могутъ быть „приняты“ лишь „отчасти“. *Поскольку* въ нихъ „Понятіе“ преодолѣло стихію инобытія, *постольку* наука считается съ ними, разумѣетъ ихъ въ своихъ построеніяхъ и построаетъ въ своихъ категоріяхъ. *Философія* имѣетъ въ виду не все, что случится или обнаружится въ мірѣ, но только то, что осуществило сращеніе стихій. Только это и называется *дѣйствительностью*.

Міръ во времени представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, безконечное множество „явленій“, которыя несводимы къ пустой конкретной эмпирии. „Явленіе“, какъ таковое, стоитъ выше того, что просто „чувственно“¹⁾; ибо оно есть явленіе *чего-то*, т.-е. являющейся сущности²⁾. Явленіе есть *спекулятивная сущность въ обличіи эмпирическаго*. Божественное начало имѣетъ въ мірѣ „удвоенную природу“³⁾, и эта *удвоенная природа явленія* дѣлаетъ его неизбежно причастнымъ двумъ порядкамъ: спекулятивно-ноуменальному⁴⁾ и эмпирическому, случайно-безпорядочному⁵⁾. Идея какъ бы „просвѣчиваетъ“ (*scheint*)⁶⁾ въ сферу инобытія и этимъ образуетъ въ ней „положительную“ сторону (*das Affirmative*)⁷⁾. Такое „излученіе“ Идеи создаетъ въ мірѣ огромный эмпирической матеріаль, которымъ философія не можетъ заниматься⁸⁾, ибо она изслѣдуетъ лишь спекулятивное. Она изучаетъ не вещи, но скрытый въ нихъ „Логосъ“, „предметъ“ (*Sache*), т.-е. „истину того, что носитъ названіе вещей“⁹⁾. Она съ отчетливостью видитъ „за пеленою“ земныхъ вещей—„нездѣшній міръ“ безконечнаго Понятія и стремится адекватно выразить это „*бытіе ихъ быванія*“¹⁰⁾.

Подобно тому, какъ человѣческія существа (а можетъ быть, и вещи) имѣли, по ученію Канта, двойной характеръ—эмпирической и умопостигаемый,—такъ каждое явленіе, по Гегелю, стоитъ „на порогѣ двойного бытія“. И вотъ тѣ

¹⁾ Срв. Phän. 112, 115. Enc. I. 263. Гегель далеко не былъ послѣдователемъ въ этой „высокой“ оцѣнкѣ явленія; срв., напр., Log. III. 237—238. 241. 270. Enc. II. 17 (Z). Hinr. 302 и др.

²⁾ Напр., Идеи срв. Diss. 21.

³⁾ „Gedoppelte Natur“. W. Beh. 386.

⁴⁾ Срв. противопоставленіе „transitorisches Phänomen“ и „Noumen“ Enc. II. 17 (Z).

⁵⁾ Срв., напр., Enc. II. 36—37. Enc. III. 119 (Z), и др.

⁶⁾ Срв., напр., Recht. 18. Enc. II. 32 (Z).

⁷⁾ Enc. II. 32 (Z); срв. „positives Bestehen“. Log. III. 78; срв. W. Beh. 387.

⁸⁾ См. Recht. 18. Krug. 58. Phän. 78 и др.

⁹⁾ Log. I. 21.

¹⁰⁾ Вна. 421. Курсивъ Гегеля.

явления, которыя осуществляютъ въ себѣ спекулятивное сращеніе обѣихъ стихій, Гегель называетъ обычно „образованіями“ или „образами“ (Gestaltungen, Gestalten)¹⁾. Эти „образы“,—спекулятивныя единичности міра,—существуютъ по внѣшней формѣ своего бытія во времени и подвержены временному развитію²⁾. Однако, творя спекулятивный законъ, осуществляя свой скрытый ноумень, они участвуютъ въ спекулятивномъ ряду и причастны спекулятивной „метаморфозѣ“³⁾, пробивающейся сквозь толщу „существованія“⁴⁾. Естественно, что эта метаморфоза, совершаясь во внутренней, ноуменальной глубинѣ явленій, вовлекаетъ въ нее и подчиненный Понятію эмпирической составъ и постольку движетъ его такъ, какъ это соотвѣтствуетъ пути Божію. Постольку Идея возводитъ природу по спекулятивнымъ ступенямъ⁵⁾ къ ея самопреодоленію, „идеализаціи“ и переходу въ духъ⁶⁾, „создавая“ ее⁷⁾ и поддерживая ее изнутри⁸⁾; этимъ она и обнаруживаетъ, что она есть „вѣчная сущность (das Ewige) того, что является въ чувственномъ мірѣ въ видѣ ряда измѣненій“⁹⁾.

Теперь должно быть уже ясно, что Гегель называетъ *дѣйствительностью*. По основному логическому опредѣленію,

¹⁾ Срв., напр., W. Beh. 386, 396. Phän. 513. Log. I. 64—65. Log. III. 245. 271. Enc. III. 12—13. Recht. 18. 66. 346. 355. Ph. G. 75. Aesth. I. 106 и др. Термины „Stufe“ (напр., Enc. II, 32) и „Bildung“ (напр. W. Beh. 394) имѣютъ болѣе нейтральное, дескриптивное значеніе и, закрѣпляя извѣстную подвижность „явленія“ въ ряду духовнаго восхожденія, не выражаютъ наличность сколько нибудь адекватнаго идеѣ спекулятивнаго сращенія. Притомъ за всѣми этими терминами слѣдуетъ разумѣть не только единичные экземпляры или фрагменты міра, но и общіе, типическіе способы бытія, могущіе въ свою очередь осуществиться или состояться во множествѣ индивидуальных эмпирически-существующихъ экземпляровъ.

²⁾ Recht. 66.

³⁾ Enc. II. 32.

⁴⁾ „Existierende Metamorphose“. Enc. II. 32. Курсивъ Гегеля.

⁵⁾ Enc. II. 32.

⁶⁾ Срв. Enc. III. 22. (Z).

⁷⁾ Log. III. 26.

⁸⁾ Enc. II. 26 (Z); срв. Beweise. 344.

⁹⁾ Glaub. 152—153.

дѣйствительно то, что состоитъ изъ *сущности* (Wesen) и существованія (Existenz) ¹⁾. Согласно этому, то, что состоитъ изъ *чистой сущности*,—философская наука вообще и Логика въ особенности,—сохраняетъ за собою высшее званіе „реальности“ или „бытія“. „Дѣйствительнымъ“ же будетъ называться сплавъ („конволютъ“) изъ сущности и существованія. Однако, не всякое соединеніе сущности и существованія заслуживаетъ „возвышеннаго“ (emphatisch) ²⁾ наименованія „дѣйствительности“. „Дѣйствительно“ въ мірѣ лишь то, что *властно одержимо Понятіемъ*, т.-е., во-первыхъ, цѣликомъ,—тѣ явленія, которыя *вполнѣ* подчинились его спекулятивному строю и закону,—и во-вторыхъ, отчасти,—всѣ остальныя явленія *лишь въ томъ ихъ объемѣ*, который вовлеченъ въ жизнь спекулятивной стихіи. Все же то, что остается въ мірѣ за вычетомъ „дѣйствительности“, есть уже не реальность и не дѣйствительность, а *существованіе*. Это не значитъ, что „существованіе“ совсѣмъ оторвано отъ Понятія и *лишено* сущности; тогда оно слилось бы съ небытіемъ и превратилось бы въ „иллюзію“. „Существующее“ есть какъ бы непосредственное продолженіе „дѣйствительнаго“, примыкающее къ нему въ эмпирическомъ сопоставленіи и имѣющее раздѣлить его судьбу во временной жизни; оно не совсѣмъ лишено скрытой разумности, но не сумѣло еще побороть въ себѣ эмпирическую самобытность. Оно стоитъ какъ бы въ „единобытіи“, но *не* въ конкретномъ „тождествѣ“ съ Понятіемъ.

Онтологія Гегеля признаетъ, такимъ образомъ, *четыре* различныя ступени ³⁾: *реальности*, или чистаго спекулятивнаго Понятія (наука); *дѣйствительности*, или сущности, принявшей и побѣдившей стихію инобытія, (все разумное въ мірѣ); *существованія*, или стихіи инобытія, затаившей въ себѣ и осилѣвшей силу Понятія (все неразумное въ мірѣ); и, наконецъ, *чистаго хаоса*, вовсе не скрывающаго въ себѣ

¹⁾ Log. II. 184. 201. Enc. I. 281—282. 320.

²⁾ Enc. I. 10.

³⁾ См. особенно Enc. I. 10. Recht. 22. 347 (Z.) и др.

силу духа (иллюзія). Если отбросить послѣднюю ступень, основанную на „недоразумѣніи“ („небытіе, лишенное бытія“, въ отличіе отъ „сущаго мѣ бы“), то останутся *три* онтологическія ступени. Двѣ послѣднія образуютъ „міръ“, первая образуетъ „науку“. „Реальность“, „дѣйствительность“ и „существованіе“,—всѣ три ступени,—*причастны пути Божію*, но всѣ различно. Категоріи Логики, Натурь-Философіи и Философіи Духа, образующія ступень „реальности“, слагаютъ собою *чистую теогонію*, какъ свѣрхвременную, завершенную систему спекулятивнаго восхожденія. „Образованія“, возникшія въ мірѣ и спекулятивный элементъ „явленій“, составляющіе вмѣстѣ ступень „дѣйствительности“, слагаютъ собою *космическую теогонію*, какъ временный незавершенный рядъ спекулятивно-эмпирическаго восхожденія. Наконецъ, непросвѣтленные остатки инобытія, образующіе ступень „существованія“, слагаютъ собою *теогоническую космогонію*, какъ временную сферу доселѣ несчастнаго, но въ потенціи грядущаго восхожденія; каждая неудачная единичность имѣетъ заданіе: преодолѣть свою эмпирическую, конечную природу, отринуть себя, предаться зовущей его изнутри спекулятивной силѣ и, превратившись въ спекулятивную единичность, подняться въ рядъ дѣйствительнаго бытія ¹⁾.

Ученіе Гегеля о „разумности дѣйствительнаго“ и „дѣйствительности разумнаго“ предстанетъ въ своемъ истинномъ значеніи, если раскрыть послѣдовательно всю сложность его онтологическихъ основаній.

Во всемъ, что „естъ“ и что „живетъ“ въ мірѣ,—*Понятіе* является *активною, творческою силою*. Понятіе есть то, что „дѣйствуетъ“ (*das Wirkende*) ²⁾; согласно этому, то, *въ чемъ* оно *свершило свое дѣйствіе*, оказывается *дѣйствительнымъ* (*wirklich*). „Дѣйствительное“ *есть творческій итогъ дѣйствія, совершеннаго Понятіемъ*. Гегель выражаетъ это такъ: „все дѣйствительное *есть* лишь постольку, поскольку оно имѣетъ

1) Срв. замѣчательное поясненіе Гегеля. Епс. I. 320, весь второй абзацъ.

2) Епс. I. 320. Курсивъ Гегеля.

въ себѣ Идею и ее выражаетъ“¹⁾. Но если все то, что „дѣйствительно“, создано Понятіемъ, какъ имманентной, внутренней сущностью, а Понятіе есть *самъ Разумъ*, сама *субстанціальная стихія разумности*, — то „все дѣйствительное“ по необходимости „разумно“²⁾.

Сказать, что все дѣйствительное разумно, не значить признать разумнымъ *весь міръ*, ибо въ міръ на ряду съ дѣйствительностью есть еще недопросвѣтленное и „непроработанное“ Понятіемъ *существованіе*³⁾. Но это значить признать, что „во временной и преходящей видимости“ творить свой законъ „субстанція, которая имманентна, и вѣчное, которое присутствуетъ“⁴⁾ и предстоитъ. Разумъ разлитъ во *всемъ міръ*; но это *не* означаетъ, что *весь міръ* „разуменъ“, ибо разумно *только то*, что *осуществляетъ въ себѣ законъ разума*, т.-е. то, что „дѣйствительно“. Понятіе *присутствуетъ* во *всемъ*; но это не означаетъ, что оно во *всемъ господствуетъ*, что все имъ „*поято*“, ибо „*поято*“ и включено въ путь теогоніи только то, что подчинило себя закону Понятія, т.-е. то, что дѣйствительно. Тезисъ, устанавливающий разумность всего дѣйствительнаго, былъ выдвинутъ Гегелемъ тогда, когда отравы эмпирическаго хаоса была уже имъ извѣдана до конца; но именно поэтому въ этомъ тезисѣ нѣтъ и не можетъ быть спекулятивнаго оптимизма, характеризующаго наивный исходный замыселъ. Необходимо усвоить и помнить, что то, что „*бываетъ* (das Dasein), есть отчасти *явленіе* (Erscheinung) и лишь отчасти дѣйствительность (Wircklich-

¹⁾ Log. III, 238. Срв. Enc. 319. 385. Hinr. 302. Briefe. II. 117. Въ этихъ формулахъ терминъ „дѣйствительности“ иногда получаетъ значеніе того, что *обыкновенно* навывають „дѣйствительностью“; иногда, какъ, напр., Recht. 17, онъ получаетъ, напротивъ, чрезмѣрно узкое толкованіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что не—всегда—корректная терминологія Гегеля повинна во многихъ позднѣйшихъ недоразумѣніяхъ.

²⁾ Срв. Recht. 19.

³⁾ См. Enc. I. 10. о различіи между „Dasein“, Existenz“ и „Wirklichkeit“ со ссылкой на Логикѣ.

⁴⁾ „Darauf kommt es an—in dem Scheine des Zeitlichen und Vorübergehenden die Substanz, die immanent, und das Ewige, das gegenwärtig ist zu erkennen“. Recht. 17.

keit)¹⁾; что только Богъ „воистину дѣйствителенъ“²⁾ и что философія не можетъ признать дѣйствительнымъ „все, что придетъ въ голову“, каждое „заблужденіе, зло“ или „каждое неудачливое и преходящее существованіе“³⁾. На ряду съ дѣйствительностью, „положенною самимъ Понятіемъ“⁴⁾, міръ укрываетъ въ себѣ цѣлые слои „преходящаго быванія“ и „внѣшней“⁵⁾, „неразумной“⁶⁾ случайности, равнодушной и „неопредѣлимой беспорядочности“⁷⁾, увлекающей тварь и человѣка на путь несчастія и зла. Въ мірѣ не все дѣйствительно; и то, что въ немъ недѣйствительно, то и неразумно. Въ мірѣ не все разумно; и то, что въ немъ неразумно, то и недѣйствительно.

Отсюда ясно, что „разумность дѣйствительнаго“ необходимо предполагаетъ „дѣйствительность разумнаго“. Для того, чтобы въ мірѣ активно и побѣдоносно обнаружился разумъ, необходимо, чтобы разумъ „отпустилъ“ себя въ состояніе инобытія. Если бы разумъ чуждался міра, то міръ не могъ бы стать, хотя бы отчасти, разумнымъ. Понятіе необходимо должно вступить въ симбіозъ съ эмпирической стихіей, иначе она не будетъ и не можетъ быть „по-ята“ силою спекулятивнаго закона.

Однако, Гегель утверждаетъ нѣчто большее. Онъ ~~убѣжденъ, что „все разумное—дѣйствительно“, безъ ограниченій и удержаній. Разумъ не только имманентенъ міру, но онъ присутствуетъ въ немъ цѣликомъ: все, что онъ создалъ въ себѣ въ своемъ до-мірномъ бытіи, онъ отпустилъ въ міръ и внѣдрилъ въ свое инобытіе. Все богатство, добытое Понятіемъ въ „Логикѣ начала“, было сосредоточено имъ въ~~

¹⁾ Enc. I. 10. Аутентическое добавленіе 1827 года.

²⁾ „dass man wisse, nicht nur dass Gott wirklich,—dass er das Wirklichste, dass er allein wahrhaft wirklich ist“. Enc. I. 10.

³⁾ „jeden Einfall, den Irrthum, das Böse und was auf diese Seite gehört so wie jede noch so verkümmerte und vergängliche Existenz“. Enc. I. 10.

⁴⁾ „durch den Begriff selbst gesetzte Wirklichkeit“. Recht. 22.

⁵⁾ Recht. 22.

⁶⁾ Enc. III. 100 (Z).

⁷⁾ Enc. II. 36.

„Идеѣ“ такъ, какъ бѣлый цвѣтъ содержитъ въ своей простотѣ всѣ лучи спектра; и все это богатство перешло въ міръ въ моментъ отпаденія Идеи. Подобно тому, какъ въ „Логикѣ начала“ Понятіе „предобразуетъ“ міръ, такъ оно потомъ образуетъ его изнутри, и, если бы оно, переходя въ міръ, утратило хотя бы іоту изъ своего богатства, то законъ спекулятивной конкретизаціи потерялъ бы всякое значеніе: органическое нарастаніе, его непрерывность и сплошность были бы непоправимо нарушены.

Именно поэтому Гегель можетъ установить безъ изъятій, что „то, что разумно, то дѣйствительно“¹⁾. *Всѣ категоріи* „отпущены“ въ міръ и работаютъ надъ его творческимъ созиданіемъ. Разумъ цѣликомъ посвятилъ себя задачамъ Геракла. Это не означаетъ, что *все, въ чемъ есть разумъ, то цѣликомъ дѣйствительно*. Міръ *больше, чѣмъ „дѣйствительность“* (по объему), и притомъ именно потому, что онъ отчасти есть *меньше, чѣмъ дѣйствительность* (качественно). Въ „*существующихъ*“ фрагментахъ тоже скрытъ разумъ, однако, они *еще не „дѣйствительны“*. Спекулятивная философія приходитъ здѣсь къ тому воззрѣнію, которое присуще и „непредубѣжденному“²⁾ сознанію: „разумъ вещей не можетъ быть чуждъ самимъ вещамъ, но вложенъ въ нихъ нѣкимъ божественнымъ образомъ“³⁾; и, несмотря на это, міръ не свободенъ ни отъ хаоса, ни отъ зла, ни отъ несчастія.

При такомъ пониманіи соотношенія между разумомъ и дѣйствительностью эта третья, средняя концепція „міра“ примиряетъ крайній оптимизмъ спекулятивнаго замысла и крайній пессимизмъ миро-отверженія. Міръ не пріемлется цѣликомъ, но цѣликомъ и не отвергается. Если панэпистемизмъ состоитъ въ утвержденіи, что „весь міръ благъ, какъ онъ есть“, то этотъ замыселъ можетъ считаться не оправдавшимся. Если

1) Срв. Recht. 17. Enc. I. 10.

2) „Unbefangen“. Recht. 17.

3) „ratio rerum ab ipsis rebus aliena esse non potest, sed illis divinitus est insita“. 3 lat. 313.

акосмизмъ состоитъ въ утвержденіи, что „міръ эмпирической совсѣмъ неприемлемъ и сводится къ опасной иллюзіи“, то и эта концепція должна считаться отвергнутой. Но *пан-эпистемизмъ* оправдывается въ томъ смыслѣ, что „весь міръ проникнуть категоріями—силами“, хотя онъ и не проработанъ ими ¹⁾ до конца. И *акосмизмъ* поддерживается въ томъ смыслѣ, что „міръ, не преодоленный Понятіемъ и не преодолевший въ себѣ своей эмпирической самобытности и самозаконности, не приемлется въ составѣ Божія пути“; и, если угодно, еще въ томъ смыслѣ, что „міръ, совсѣмъ оторванный отъ силы Божіей, есть иллюзія“.

Эта средняя, примиряющая концепція покоится, слѣдовательно, на *возможности спекулятивнаго симбіоза между Понятіемъ и конкретнымъ-эмпирическимъ*. Здѣсь, естественно, встаютъ серьезныя затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, та „форма“, или тотъ способъ бытія, та оболочка, въ которую облеклась Идея и которая должна быть „принята“, отрицаетъ и *отвергаетъ* спекулятивный строй и спекулятивный способъ жизни, имманентно присущій Понятію; какъ же возможно, чтобы Понятіе, *оставаясь собою*, измѣнило свой путь, „приспособило“ свой ритмъ, поступилось своимъ восхожденіемъ? Съ другой стороны, Понятіе *безпомощно останавливается* передъ хаотическимъ разбѣгомъ этой стихіи; какъ же возможно, чтобы чувственный элементъ оставилъ свою самобытность и свое упорство и поддался претворенію въ чистую „духовно-внутреннюю“ сущность? Повидимому, дѣло обстоитъ такъ, что, если міръ спекулятивенъ, то онъ не можетъ имѣть конкретно-эмпирическую форму; если же онъ дѣйствительно имѣетъ ее, то онъ не можетъ быть спекулятивнымъ... И, однако, эти двѣ стихіи встрѣчаются и уживаются въ мірѣ,—въ противоположности, которая въ самомъ сосуществованіи своемъ грозитъ остаться не то въ открытой враждѣ, не

¹⁾ „die Idee ihre Realität nicht vollkommen durchgearbeitet, sie unvollständig dem Begriffe unterworfen hat“. Log. III. 239.

то въ скрытомъ взаимоотношеніи. Таинственность ихъ симбіоза увеличивается отъ того, что самый способъ ихъ примиренія и сочетанія есть *истинный* способъ, т.-е. *органически-конкретный*.

Показать наличность въ мірѣ ихъ симбіоза и выразить его философски, значило для Гегеля вступить на путь *компромисса*. То, что онъ разумѣлъ, говоря о „Понятіи“, и то, что онъ имѣлъ въ виду, говоря о „чувственномъ элементѣ“, стояло дѣйствительно въ отношеніи непримиримости; но именно поэтому оба термина должны были обнаружить свою не-адекватность предметному обстоянію міра. Для того, чтобы вступить въ творческій симбіозъ со своею противоположностью, каждый изъ нихъ долженъ былъ открыть въ себѣ способность къ новымъ, высшимъ или низшимъ состояніямъ и видоизмѣненіямъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ какъ бы „пойти навстрѣчу“ другому. Это означаетъ, что идею *разума* необходимо было *свести* съ того *максимальнаго* уровня, на который ее поставилъ Гегель, а въ „*конкретномъ-эмпирическомъ*“ необходимо было *усмотрѣть* хотя бы *зачатки спекулятивности*. Несомнѣнно, что для „раціонализма“ и „панлогизма“ это явилось грандіозной уступкой и компромиссомъ; однако, столь же несомнѣнно, что эта уступка и этотъ компромиссъ имѣли за себя глубокія предметныя основанія.

Этотъ великій компромиссъ, въ которомъ Идея „*спускается*“ къ чувственной стихіи, а конкретное-эмпирическое „*отвергаетъ* себя“ ради высшаго,—въ гносеологическомъ отношеніи долженъ быть выраженъ такъ, что Гегель *де-потенцируетъ* Идею и *потенцируетъ* конкретное-эмпирическое.

Де-потенцировать Идею, значитъ *свести* ее къ ея *элементарнымъ* основамъ, которыя входятъ въ нее и на высшей ступени, но въ значеніи подчиненныхъ моментовъ. Это значитъ, признать, что Идея, *оставаясь* собою, можетъ утратить цѣлый рядъ чертъ и свойствъ, характеризующихъ ея *высшую* сущность, и опуститься въ низшія состоянія. Въ этомъ низведеніи Идеи ей не приписывается никакихъ но-

выхъ свойствъ; она не обогащается въ своемъ содержаніи. Напротивъ, она содержательно *бѣднѣетъ*; но зато *объемъ ея господства расширяется*. Оказывается, что власти ея подлежатъ и такія явленія міра, въ которыхъ невозможно найти ея *высшихъ* спекулятивныхъ признаковъ; и тѣмъ не менѣе она „присутствуетъ“ въ нихъ своею *подлинною* силою.

Низведеніе Идеи оказывается необходимымъ вслѣдствіе того, что „міръ“ по своей природѣ *не есть спекулятивная мысль*. Въ мірѣ не обнаруживается ея выдержаннаго на высшемъ уровнѣ, совершеннаго способа жизни. Спекулятивная мысль есть *живой діалектически-органический процессъ, творимый въ себѣ объективнымъ Понятіемъ въ функции мысли* (до-человѣческой, до-сознательной въ Логикѣ начала и *человѣческой, сознательной—въ Логикѣ конца*). Съ точки зрѣнія теоріи познанія, спекулятивная мысль есть схождение *человѣческаго воображающаго мышленія и объективнаго смысла*¹⁾.

И вотъ, Гегель приступаетъ къ постепенному *уменьшенію* спекулятивной мысли и расширенію ея господства. Заранѣе можно предвидѣть, однако, что это обѣднѣніе Идеи должно имѣть строго опредѣленную границу, выходъ за которую окажется невозможнымъ для его ученія. Этой границей является *идея органической жизни*.

Уже въ самой *душевной жизни* не все есть сознательное, спекулятивное мышленіе, хотя Гегель твердо увѣренъ въ томъ, что именно *философская мысль* есть состояніе, въ которомъ осуществляется и раскрывается *глубочайшая сущность души*. Рядомъ съ мыслью стоитъ ближайшая ступень: всецѣло *внутреннее*, но уже полусознательное и полуспекулятивное *чувствованіе*, начало „сердца“. Предметно *неадекватное*, оно часто оказывается *безпомощнымъ*, движется смутно, сбивчиво, неувѣренно; оно не въ силахъ *заговорить на божественномъ языкѣ* самого предмета, *Логоса*,

¹⁾ См. цитированную выше статью „Ученіе Гегеля о сущности спекулятивной мысли“. Журналъ „Догосъ“.

т.-е. на языкѣ смысла; оно всегда остается субъективнымъ и не можетъ уйти *цѣликомъ* въ жизнь объекта; вѣрно чувствуя, а иногда только *предчувствуя* истину, оно *по самой сущности своей* склонно къ субъективистическому искаженію и блуждаетъ безъ критерія. Въ этомъ элементѣ осуществляется *религія*.

Далѣе, покидая сферу чисто-внутренняго и обращаясь къ внѣшнимъ чувствамъ и внѣшней „матеріи“, работаетъ *немыслящее* или полу-мыслящее *воображеніе*. Это уже не то сверхчувственное воображеніе, которое сливается съ мыслью въ философіи. Это внутренне вынашиваемое, но во внѣ осуществляющееся творчество созерцаетъ Божество въ чувственномъ образѣ; оно хранитъ глубокой, подземный союзъ со спекулятивною мыслью, питается *ея* духовнымъ содержаніемъ, но изливаетъ его въ матерію внѣшняго міра. Въ этомъ элементѣ раскрывается *искусство*.

На ряду съ чувствомъ и воображеніемъ,—можетъ быть еще глубже, чѣмъ они,—коренится практическая, стремящая сила души—*воля*. Она рождается внутри, въ душѣ, скованной своимъ тѣлеснымъ существованіемъ, и выбивается съ помощью мысли изъ этихъ оковъ; поэтому гдѣ-то, въ тайникахъ, она сродни мышленію, нуждается въ немъ и ищетъ союза съ разумомъ. Воля обладаетъ способностью преодолевать свою индивидуальную форму и, выходя во всеобщность, осуществлять спекулятивный законъ. Въ этомъ новомъ элементѣ осуществляется *нравственность* и *государство*.

Далекими, смутными отголосками и случайными просвѣтами обнаруживается, далѣе, мысль въ безсознательной, *естественной жизни души*. Душа, однако, обнаруживаетъ способность къ высшей жизни: она образуетъ *органическое единство съ тѣломъ*; она вросаетъ въ него наподобіе того, какъ спекулятивное содержаніе вросаетъ въ ткань мышленія, чувствованія, воображенія и въ матерію эстетическаго образа. Душа есть *спекулятивное содержаніе тѣла*, и въ то же время тѣло есть эмпирической способъ быть, присущій душѣ. Душа есть „внутреннее“, изливающееся во „внѣш-

ность“ тѣла; тѣло есть внѣшнее выраженіе внутренней души. Тѣло есть эмпирической „предметъ“, творимый душою, какъ спекулятивною силою. Въ этомъ элементѣ „душевно-тѣлеснаго симбіоза“ протекаетъ жизнь *высшаго естественнаго организма—человѣка* ¹⁾.

Естественный организмъ является низшей ступеню раскрытія Идеи. Здѣсь *внутренній* процессъ является на своемъ *спекулятивно-минимальномъ* уровнѣ и получаетъ значеніе *элементарной органической жизненной силы*. Жизнь организма есть процессъ утверждающей себя субъективности ²⁾; это первое явленіе *самости* ³⁾, начало побѣды „внутренняго“, спекулятивнаго надъ „внѣшнимъ“, эмпирическимъ. Это и есть тотъ пунктъ, въ которомъ „Понятіе вступаетъ въ существованіе“ ⁴⁾, а Идея получаетъ „истину и дѣйствительность“ ⁵⁾. Естественный организмъ есть первый „образъ“, начальный, простѣйшій и самый несовершенный. Ниже его нѣтъ „образовъ“, но одни „явленія“; тамъ уже нѣтъ „внутренняго“, органическаго, „субъективнаго“, *жизни*, но лишь „трупъ жизненнаго процесса“ ⁶⁾.

Однако, сила предметнаго обстоянія заставляетъ Гегеля спуститься еще дальше, правда, не съ тѣмъ, чтобы отступить отъ *органическаго сращенія множества въ единство*, какъ послѣдняго критерія „разумности“ и „дѣйствительности“, но съ тѣмъ, чтобы *выслѣдить* въ остающихся міровыхъ „явленіяхъ“ *слѣды органичности*, свидѣтельствующіе о присутствіи въ нихъ Понятія.

Уже въ органическомъ царствѣ не все стоитъ на одинаковомъ уровнѣ. Не всякій организмъ въ природѣ есть „истинный“ организмъ, ибо не у всякаго „части“ относятся къ „цѣлому“, какъ „члены“ ⁷⁾. „Внутреннее“ постепенно

¹⁾ Enc. II. 558 (Z.). Log. III. 208.

²⁾ Срв. Enc. II. 423.

³⁾ „Selbstisch“. Enc. II. 423.

⁴⁾ Enc. II. 602. 423.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Enc. II. 423.

⁷⁾ Enc. II. 548.

угасаетъ въ нисходящемъ ряду и уступаетъ главенство внѣшнему. Связь частей ослабѣваетъ въ *растении*, органичность котораго болѣе „внѣшне-объективна“ и субъективность котораго „непосредственна“ ¹⁾. Плѣсень, грибы—являются собою переходную, „неорганически-органическую“ ступень ²⁾, а тѣло *земли* есть лишь „предпосылка“ субъективной тотальности ³⁾, внѣшній ⁴⁾, замертво лежащій организмъ ⁵⁾, не болѣе, чѣмъ „кристалль жизни“ ⁶⁾.

Ниже этой „мертвой жизни“ Понятіе становится поистинѣ едва узнаваемымъ. Гегелю приходится удовлетворяться „слѣдами“ и „предчувствіями“, отыскивать *аналогіи*, дорожить отдаленными *намекami*, подбирать атомы и крупицы спекулятивной сущности. Онъ указываетъ на „индифференцію“ различныхъ элементовъ въ *химическихъ соединеніяхъ* ⁷⁾, напоминающую „содержательную ассимиляцію“ спекулятивныхъ органовъ; онъ усматриваетъ въ *теплотѣ* „непрерывную распространяемость“ и способность „сводить къ однородности пространственно-разрозненныя тѣла“ ⁸⁾ и видитъ въ этомъ ея подобіе субстанціальной Всеобщности; онъ открываетъ намекъ на спекулятивный синтезъ въ *тяжести*, строя ея, какъ „исканіе объединяющаго пункта“ у множества ⁹⁾; онъ разсматриваетъ *воду*, какъ „нейтральную текучесть“, сливающую противоположности, какъ сплошное „внутреннее“ равновѣсіе, ограниченное только *извнѣ* ¹⁰⁾; онъ удовлетворяется тѣмъ, что *огонь* есть дѣятельное „безпокойство“, „пожирающая“, „отрицательная всеобщность“ ¹¹⁾; что *воздухъ* есть прозрачная, какъ мысль, „во

1) Enc. II. 470.

2) Enc. II. 463.

3) Срв. „Vorausgesetzte... Totalität“. Enc. II. 430.

4) Enc. II. 464.

5) „Der todtliegende Organismus“. Enc. II. 455.

6) Enc. II. 455.

7) Enc. II. 360—361. 366—367. 369—370.

8) Enc. II. 224.

9) Enc. II. 187.

10) Enc. II. 167.

11) Enc. II. 165. 165 (Z.).

все проникающая текучесть“, улетучивающая въ себѣ все индивидуальное ¹⁾; что *світъ* есть „чистое тождество“ съ собою, „всеобщая самость матеріи“ ²⁾; что *движеніе* имѣеть „діалектическую“ природу ³⁾; *время* есть само созерцаемое „становленіе“ ⁴⁾; *пространство* — „неопредѣленно-прозрачная тотальность“. Опускаясь къ самому пустому, безсодержательному-содержанію, онъ доводитъ до конца „конструкцію“ міра, примѣняя наподобіе Шеллинга то отвлеченный анализъ, то романтическое „вживаніе“ въ предметъ, но сводя все къ единству силою спекулятивнаго видѣнія.

Это спекулятивное „депотенцированіе“ идеи, принципиально останавливающееся на „естественномъ организмѣ“ (строго говоря, на *человѣческомъ организмѣ*), а фактически уходящее къ пустому пространству, получаетъ у Гегеля подчасъ характеръ настоящаго *регресса въ эмпирію*. Термины „внутренняго“, „субъективнаго“, „единства“ не разъ *мѣняютъ свое значеніе* и тѣмъ облегчаютъ этотъ регрессъ.

Гегель, какъ истинный романтикъ, обычно называетъ „внутреннимъ“ *подлинную, но сокровенную сущность* чего-нибудь; понятно, что „сила тяготѣнія“ является „внутренней“ и „сокровенной“ въ иномъ смыслѣ (пространственная интроспекція), чѣмъ „душа“ по отношенію къ „тѣлу“ (феноменологическая интроспекція) или метафизическая Всеобщность по отношенію къ своей Единичности (спекулятивное, онтологическое тождество). То принципиальное отграниченіе *эмпирическаго* (чувственнаго-временнаго и особенно чувственнаго-пространственно-временнаго) отъ *метафизическаго*, на которомъ Гегель умѣетъ настаивать съ такою силою, — таеетъ и исчезаетъ въ этомъ регрессѣ. То „субъективное“ (активное, самоутверждающееся средоточіе эмпирической индивидуальности), которое для спекулятивной философіи является синонимомъ дурной дискретности, случайности и

¹⁾ Enc. II. 162.

²⁾ Enc. II. 129—130.

³⁾ Enc. II. 62.

⁴⁾ Enc. II. 53.

беззаконія,—становится постепенно драгоценнымъ признакомъ присутствія Понятія. То „единство“ эмпирическихъ фрагментовъ (безсвязное, безразличное, чисто количественное соприсутствіе), которое обычно отвергается Гегелемъ, какъ деградирующее, отыскивается въ мірѣ, какъ знакъ Божественнаго вѣянія. Въ „конструкціяхъ“ Гегеля оживаетъ *шлюзоизмъ* древней греческой метафизики, не знавшій различія между „эмпирическимъ“ и „метафизическимъ“, и *строгость рационализма смѣняется романтическимъ пріятіемъ ирраціональнаго*. „Разумъ“,—„спекулятивное самомышленіе“,—превращается постепенно въ „религіозное самочувствіе“ и „безсознательную душевность“ человѣка, въ „глухое самочувствіе“ у животнаго, въ „органическое самосозиданіе“ у животнаго и растенія, въ слѣпое тяготѣніе вещей, въ безпокойство огня, текучесть воды и воздуха, движеніе матеріи, „становленіе“ времени. То, что не „разумно“ *органической мыслью*, можетъ оказаться „разумнымъ“ *органическою душевностью* или, по крайней мѣрѣ, *органическимъ самосозиданіемъ*; то, что не „разумно“ *цѣликомъ („образъ“)*, то „разумно“ *отчасти („явленіе“)*: безсознательное имѣетъ въ себѣ *потенцію* сознанія, неодушевленное скрываетъ въ себѣ *зачатокъ* одушевленія, неорганическое обладаетъ хотя бы *одною изъ чертъ* организма,—„текучестью“, или „тождествомъ“, или „тотальностью“... Именно постольку и *лишь* постольку философія, „построющая“ *дѣйствительность*, будетъ имѣть въ виду и низшія явленія міра.

Этому низведенію *Идеи* соотвѣтствуетъ *потенцированіе конкретнаго эмпирическаго*.

Въ принципѣ признается, что *въ ирраціональной стихіи міра не все подлежитъ отверженію*, что въ ней должна быть произведена своеобразная дифференціація, отдѣляющая *пріемлемыя* состоянія ея отъ *непріемлемыхъ*, отыскивающая *зачатки* высшаго въ низшемъ и завершающаяся *органическимъ пріятіемъ* того, что повинуется силѣ Понятія. Потенцировать чувственную стихію значитъ *открыть въ ней „пріемлемыя“ состоянія и расположить эти состоянія по восходящимъ*

ступенямъ „спекулятивной метаморфозы“, начиная отъ простѣйшей стихіи „пространства“ и кончая цѣлостнымъ поглощеніемъ ирраціональнаго — въ философской мысли. Разумный элементъ міра открывается какъ въ низшихъ, не цѣликомъ дѣйствительныхъ „явленіяхъ“, такъ и въ высшихъ, цѣликомъ дѣйствительныхъ „образахъ“. Эти „образы“, вполнѣ пріившіе и осуществившіе спекулятивную форму и божественное содержаніе, признаются *дѣйствительными единичностями* и включаются („по-емлются“) въ рядъ Божія пути.

Такимъ образомъ, *ученіе о дѣйствительности подлинно вводитъ ирраціональную стихію міра въ жизнь Божества*. Конкретное эмпирическое вводится въ нее не цѣликомъ и не на равныхъ правахъ съ Понятіемъ, но въ подчиненіи ему и притомъ въ мѣру своей *разумной мощи* („потенціи“). Вслѣдствіе этого путь Божій *расширяется* какъ по своему внутреннему составу или по *структурѣ*, такъ и по своему объему; ибо *чувственный элементъ* не исчезаетъ въ міровыхъ состояніяхъ Божества, но *сохраняется*. Ни органическая жизнь природы и человѣка, ни идейная глубина красоты, ни содержаніе абсолютной религіи, ни объективный духъ государства и нравственности, — не могутъ „быть“ иначе, какъ только въ *утвержденномъ, хотя и одухотворенномъ элементѣ чувственности*. Побѣда высшей стихіи не уничтожаетъ и не отмѣняетъ существованія низшей, но *заставляетъ ее принять спекулятивный законъ и организуетъ встрѣчу на высшемъ уровнѣ бытія*.

Однако, если „дѣйствительное“ — разумно и въ то же время, развертывается въ рядъ спекулятивныхъ единичностей, то Гегель долженъ былъ бы признать, что *ирраціональная стихія прокладываетъ себѣ путь во всю „конкретныя“ науки*. Въ самомъ дѣлѣ, каждое „дѣйствительное образованіе“ включаетъ въ себя органически чувственный элементъ, и въ то же время, въ качествѣ „спекулятивной единичности“, входитъ во „всеобщность“ научной категоріи. И вотъ, если въ отношеніи между *наукой и міромъ* или, по крайней мѣрѣ, между *конкретными науками и спекулятивными единичностями міра* осуществляется законъ „всеобщности“, то содержаніе міро-

выхъ „образовъ“ должно быть *цѣликомъ* включено въ содержаніе всеобщихъ категорій науки: ибо единичное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть, а всеобщее входитъ въ единичное, какъ его живая сущность ¹⁾. Содержаніе единичности должно быть *ассимилировано* содержанию всеобщности; въ противномъ случаѣ отношеніе между ними получаетъ характеръ „абстрактности“ и „дискретности“.

Признать, что ирраціональная стихія органически введена въ спекулятивную науку, Гегель не могъ потому, что это придало бы самой философіи чувственно-осложненный и эмпирически-деградированный характеръ. Если конкретныя науки, слагающія „всеобщую“ ткань *міровой* жизни Бога, движутся въ элементъ, наполовину ирраціональномъ, то онѣ выпадаютъ изъ сферы спекулятивной мысли и перестаютъ быть философскими науками, ибо *спекулятивная мысль по составу своему вполне свободна отъ чувственно-неразумной стихіи*. Но въ такомъ случаѣ взаимное отношеніе между единичными *міровыми* „образами“ и категоріями конкретныхъ наукъ слагается не по закону спекулятивной всеобщности, а по схемѣ *разсудочной* всеобщности. Отвлечься отъ содержанія *единичнаго* спекулятивное Понятіе не можетъ; это свойственно не ему, но *разсудочному* понятію: именно *разсудочное мышленіе* начинается съ чувственного и восходитъ къ не-чувственному, разрываетъ содержаніе „конкретнаго явленія“ и фиксируетъ только одну его сторону, возносится надъ нимъ, не включаетъ его въ себя и учреждаетъ свое самодовлѣющее содержаніе. Спекулятивное же Понятіе сохраняетъ въ себѣ все содержаніе элементовъ своего объема.

Все это означаетъ, что потенцированное конкретнаго эмпирическаго совершается Гегелемъ только въ предѣлахъ *міра*, *міровыхъ* „явленій“ и „образованій“, но *не доводится до спекулятивной науки*. Между спекулятивными единичностями *міра* и наукою остается нѣкоторое зіяніе, заполняемое *раз-*

¹⁾ См. указанную статью „Ученіе Гегеля о реальности и всеобщности мысли“ въ „Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 123.

судочнымъ скачкомъ. Всеобщія категоріи наукъ оказываются включенными въ ткань міра, но міровые образы оказываются не включенными въ науку; они только „разумются“ въ объемъ категорій и схематически строятся ихъ содержаніемъ. Конкретныя науки говорятъ о чувственной ирраціональной стихіи, но не *ею* и не *въ ней*.

Это слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что міровые образы исключаются изъ Божія пути, но въ томъ смыслѣ, что *путь Божій остается въ раздвоенномъ состояніи*, проходя сразу и параллельно по двумъ линіямъ: *въ міръ и въ науки*. Рядъ *дѣйствительности* и рядъ *реальности* не совпадаютъ; второй подлинно присутствуетъ въ первомъ, но первый не включается во второй. *Наука не объемлетъ міра*, ни въ его непокорныхъ частяхъ, ни въ его спекулятивно-закономѣрныхъ образахъ. Концепція панэпистемизма должна считаться окончательно не оправдавшейся.

Поэтому путь Божій въ мірѣ долженъ разсматриваться не только въ категоріяхъ науки, въ которыхъ онъ не укладывается и которыми онъ не исчерпывается, но *и въ своемъ самобытномъ строеніи и объемѣ*. „Категорія“ конкретной науки есть не образъ, а лишь всеобщая схема его; и, можетъ быть, именно поэтому отъ строгости діалектическаго метода не остается и слѣда въ конкретныхъ наукахъ.

Такова скрытая побѣда ирраціональной стихіи надъ Понятіемъ.

3. Образы міра.

Философское оправданіе міра не можетъ состоять ни въ бунтующемъ изобличеніи міра, какъ прибѣжища зла (Платонъ), ни въ восторженномъ изображеніи его мнимаго совершенства (Лейбницъ). Ученіе о мірѣ должно быть прежде всего *предметно*. На зовъ спекулятивной мысли міръ самъ долженъ совершить свое раскрытіе, изобличеніе и оправданіе; онъ выполнить это безъ утаиванія и искаженія, въ строгой простотѣ и адекватности, ибо сокровенная сущность его, — спекулятивное Понятіе, — *не можетъ*

отозваться иначе *на свой собственный зовъ*. Здѣсь не можетъ быть мѣста для *пессимизма*: Понятіе, томящееся въ безмыслии своихъ міровыхъ состояній, радостно и цѣльно поспѣшитъ навстрѣчу познающему разуму, который идетъ освободить его; *все*, что „приняло“ и осуществило въ мірѣ законъ Идеи, „оправдается“ на этомъ „судѣ“ черезъ простое раскрытіе своей природы и не оставитъ мѣста ни преувеличенію, ни унынію. Но не можетъ быть здѣсь мѣста и для *оптимизма*: то, что *не* вработало въ свое „существованіе“ „реальнаго“ строя, *само* не вступитъ въ рядъ Божія пути и продолжитъ среди явленій свою скрытую борьбу за очищеніе. „Пессимизмъ“ и „оптимизмъ“—не болѣе, чѣмъ случайныя „точки зрѣнія“, всплески субъективныхъ мнѣній, тенденціозныя концепціи заинтересованной человѣческой души. Спекулятивная философія открываетъ лишь то, что *есть*, потому что она *предоставляетъ самому предмету открыть о себѣ истинное*.

Такъ понимаетъ Гегель свое ученіе о *дѣйствительности*. Именно голосъ предметнаго обстоянія, приведшій его къ *пріятію ирраціональной стихіи*, руководитъ имъ и въ самомъ способѣ трактованія міровыхъ образовъ. Гегель стремится очистить и освободить свой „методъ“ ото всего, что не предносится ему, какъ реальный способъ жизни, осуществляемый самимъ предметомъ. Онъ стремится „передать“ о предметѣ лишь то, что подлинно видитъ въ немъ; онъ стремится „излагать“ предметъ именно такъ, какъ предметъ самъ себя излагаетъ. Внимая предмету онъ столь многое перестроилъ въ своихъ исходныхъ воззрѣніяхъ, что поистинѣ пріобрѣлъ право на ту мудрую иронию, съ которой говоритъ нерѣдко о „мнѣніяхъ“, „субъективныхъ симпатіяхъ“, „праздныхъ поученіяхъ“, „идеалахъ“ и т. д.

Предметъ заставилъ Гегеля признать, что въ немъ скрывается не одна, а *два* стихіи. Міръ *дѣйствительный* слагается изъ чувственнаго, временнаго, ирраціональнаго существованія и сверхчувственной, сверхвременной, разумной реальности. Ни одна изъ этихъ стихій не можетъ быть

ни устранена, ни ликвидирована другою въ предѣлахъ *дѣйствительности*, хотя низшая окончательно „снимается“ и поглощается высшею въ сферѣ *реальности* (философское мышленіе). Отношеніе этихъ стихій въ мірѣ есть отношеніе *борьбы*, связующей обѣ стороны въ спекулятивный *симбиозъ*, или отношеніе *симбиоза*, слагающагося въ форму *борьбы*. Борьба между ними ведется за первенство и самоосуществленіе; не за исключительность бытія, но за подчиненіе противника своему закону; эта борьба ведется за то, чтобы сполна осуществился *высшій способъ жизни*.

Противоборство стихій, стоящихъ въ симбиозѣ, приводитъ естественно къ постоянному *компромиссу*; однако не къ компромиссу произвольнаго самоограниченія, а къ *переходящему равновѣсію борющихся силъ*. Вынужденное мирится съ неизмѣнною наличностью ирраціональной стихіи, Понятіе остается и въ мірѣ—дѣйствующимъ, творческимъ, поборающимъ началомъ и ведетъ „суровую, безконечную борьбу“¹⁾ съ инобытіемъ, постоянно развертываясь въ *своеобразный покой достиженія*. Однако всѣ явленія міра *не окончательны*; всѣ они осуществляютъ только „перемиріе“ стихій. Понятію необходимы эти „компромиссы“ или „перемирія“ для того, чтобы *явиться*; но внутренняя природа его терпитъ здѣсь только *переходящее успокоеніе* и разрѣшаетъ его все вновь и вновь въ безпокойное самоотрицаніе. Даже явленія высшаго покоя, осуществляющіяся на землѣ,—уснувшее море, распутившійся цвѣтокъ, греческая скульптура, романскій соборъ, свободная нравственность²⁾, — постигаются лишь какъ *состоянія не примирившейся примиренности*.

Уровень этого компромисса зависитъ отъ того, *насколько Понятію удалось „проработать“ стихію инобытія и подчинить ее себѣ*. Въ зависимости отъ этого каждый міровой фрагментъ есть или „явленіе“, осуществляющее спекулятивный законъ *лишь до известной степени*, или „образъ“, осуществля-

1) „Harter unendlicher Kampf“. Ph. G. 53.

2) Сравн. напр. Enc. III. 429. Recht. 68. 172.

ющій его *цѣлостно*. Однако и „образы“ не всѣ равноцѣнны и получаютъ свое мѣсто въ ряду Божественнаго восхожденія въ зависимости отъ той *чистоты и свободы*, съ которой они осуществляютъ въ себѣ законъ спекулятивнаго Понятія.

„Образъ“ стоитъ по совершенству своему выше „явленія“ и можетъ разсматриваться, какъ его *идеальный предѣлъ*, какъ тотъ уровень совершеннаго „вразумленія“, на который „явленію“ *предстоитъ* и, если угодно, *слѣдуетъ* подняться. „Образы“ и „явленія“, въ зависимости отъ своего характера, раздѣляются на „ступени“, ряды или группы и каждая группа носитъ соотвѣтствующее наименованіе, принадлежащее какъ „явленіямъ“, такъ и „образамъ“, входящимъ въ нее. Поэтому „организмомъ“ можетъ быть названъ и уродливый, и больной, и несовершенный организмъ; „произведеніе искусства“ можетъ быть и „явленіемъ“ и „образомъ“; разлагающееся государство будетъ все же „государствомъ“, и извращенная религія будетъ называться „религіей“. Но къ числу *образовъ* можетъ быть отнесенъ только „совершенный“ организмъ; только „истинное“ государство, только произведеніе „прекраснаго“ искусства, только религія „откровенія“ должны быть включены въ восходящій рядъ „образовъ міра“. „Образы“ осуществляютъ собою то, чего не осуществляютъ „явленія“; „явленіе“ есть какъ бы *еще* не состоявшійся или *уже* не удавшійся „образъ“; „образъ“ есть „явленіе“, достигшее своего идеальнаго предѣла или *осуществившее свое имманентное значеніе*.

Отсюда ясно, что „міровой образъ“ *не* есть „идеаль“, если разумѣть подъ „идеаломъ“ то, что *должно* быть, но что на самомъ дѣлѣ не осуществляется. И, точно также, міровой образъ не есть „реальность“, если разумѣть подъ „реальностью“ то, что хотя эмпирически и осуществилось, но что *не должно* быть, или *могло бы и не быть*. „Міровой образъ“ не есть ни то, ни другое; но *и то, и другое вмѣстѣ* и сразу. Это есть „идеаль“ для одноименныхъ „явле-

ній“; и въ то же время осуществившаяся „дѣйствительность“, т.-е. *реальность, принявшая существованіе*. Это есть то, что *должно* быть и въ то же время то, что *не можетъ не быть*. „Должно“ быть не въ томъ смыслѣ, что осуществленіе его есть желанная и радостная, но случайная удача; но въ томъ смыслѣ, что это есть *цѣль* и *достиженіе* божественнаго творчества. „Не можетъ не быть“ не въ томъ смыслѣ, что предшествующія эмпирическія обстоятельства были необходимою причиною послѣдующаго событія, но въ томъ смыслѣ, что Духъ *не можетъ не побѣдить* въ мірѣ, въ борьбѣ съ ирраціональною стихіею, созданною имъ самимъ. „Міровой образъ“ есть спекулятивно-необходимое событіе; осуществленіе духовной побѣды; идеальное достиженіе въ мірѣ; нѣчто „реальное“ и въ то же время „существующее“, т.-е. „дѣйствительное“.

Характерной чертой всякаго „образа“ является цѣльное и неразрывное взаимо-проникновеніе между его *формою* и *содержаніемъ*. Если разумѣть подъ формою тотъ „элементъ“, въ которомъ раскрывается и осуществляется извѣстная сила, а подъ содержаніемъ—ту *силу*, которая осуществляетъ и раскрываетъ себя въ этомъ элементѣ,—то въ каждомъ образованіи *формою* будетъ ирраціональная стихія, а *содержаніемъ*—спекулятивное Понятіе. Если же подъ формою разумѣть тотъ *закономѣрный строй*, который зиждетъ внутреннее и внѣшнее единство „образа“, а подъ содержаніемъ—ту *матерію*, которую этотъ законъ сковываетъ въ единство,—то въ каждомъ образованіи *формою* будетъ спекулятивное Понятіе, а *содержаніемъ*—ирраціонально-чувственная стихія. Однако правильнѣе не примѣнять терминовъ „форма“ и „содержаніе“ къ чувственному элементу: *истиннымъ содержаніемъ* и *истинною формою* «образа» является *сила Понятія*, а чувственный элементъ остается лишь *средствомъ выраженія*, или „средою“, „медіумомъ“, — способомъ „являться“, а не способомъ „быть“. Сила Понятія приноситъ *свое содержаніе* и раскрываетъ его въ дѣйствительномъ „образѣ“: это содержаніе Божественно, ибо оно есть само *бытіе Божіе*. Сила

Понятія приносятъ и свою форму и осуществляютъ ее въ дѣйствительномъ „образѣ“: эта форма Божественна, ибо она есть *діалектически-органический ритмъ Идеи*. Въ Богѣ нѣтъ формы, отдѣльной отъ содержанія, и нѣтъ содержанія, которое могло бы оторваться отъ своей формы. Спекулятивное содержаніе есть нѣчто живое; оно живетъ и творитъ себя по-своему и иначе не можетъ; его живая глубина несетъ въ себѣ и съ собою свой ритмъ, и этотъ живой ритмъ и есть его единственная форма.

Тотъ фрагментъ міра, который не приемлетъ спекулятивного содержанія *вмѣстѣ* съ имманентною ему спекулятивною формою, не есть „образъ“. Но тотъ, который приемлетъ,—снимаетъ въ значительной степени различіе между „эмпирическимъ“ и „метафизическимъ“, столь опредѣленно установленное Кантомъ и столь остро почувствованное самимъ Гегелемъ. То своеобразное депотенцированіе Идеи, къ которому Гегель былъ приведенъ въ философскомъ „пріятіи“ міра, придало уже Понятію значеніе органической и даже просто „физической“ силы ¹⁾; „метафизическое“ скрылось въ первозданной, стихійной глубинѣ „физическаго“ и исчезло въ неразличимости. Восходящій рядъ „образовъ“ осуществляетъ эту неразличимость инымъ способомъ: эмпирическое превращается въ *адекватное выраженіе*, въ «знакъ» *того метафизическаго содержанія, которое ему дано вмѣстѣ и раскрыть*.

Это означаетъ, что *не всякій* „эмпирической“ фрагментъ міра можетъ вмѣстѣ и „явить“ *всякое* спекулятивное содержаніе, ибо здѣсь осуществляется нѣкое строгое соотвѣтствіе. Но въ предѣлахъ этого соотвѣтствія чувственный элементъ міра можетъ и долженъ принять спекулятивное содержаніе, выпавшее ему на долю, такъ, чтобы каждый уголь, *каждый атомъ* его существованія былъ бы насыщенъ и проникнутъ наличной разумностью и „дѣйствительно“ являлъ бы *подлинное присутствіе силы Божіей*. Быть воистину

¹⁾ Срв. Diss. 21.

„знакомъ“ высшаго, значить быть не „отъ себя“ и не „собою“, но только *«въ видъ себя»*; „знакъ“, насыщенный тою глубиною, которую онъ „означаетъ“, загорается „внутреннимъ“, сокровеннымъ огнемъ своего Божественнаго значенія и становится его необходимою и *адекватною видимостью*. Но и видимость эта утрачиваетъ весь одіозный характеръ, присущій всякой „видимости“, какъ таковой: видимость перестаетъ быть искажающей и темнящей, скрывающей личиной, но получаетъ значеніе соблюдающаго и свѣтлаго, *открывающаго вида*. „Видъ“ есть не отъ лжи и не отъ тьмы, но отъ свѣта: онъ не отлучаетъ, а приобщаетъ; онъ необходимъ для *очевидности* и *откровенія*. Чувственное не только становится „медіумомъ“ разумаго содержанія, но включается въ его истинную модификацію; оно оказывается его органическою тканью, его подлиннымъ состояніемъ. „Образъ“ есть не осуществляющаяся, но осуществившаяся сущность: *Богъ, принявшій инобытіе въ органическій составъ своей дѣйствительности*.

Въ результатѣ такого сочетанія обѣихъ стихій каждый образъ являетъ собою сращенное единство, въ которомъ невозможно отличить „чисто-эмпирическое“ отъ „чисто-метафизическаго“, и, поскольку это было бы возможно, постольку данное образованіе уклонялось бы отъ истинной спекулятивной органичности. Способъ его существованія эмпириченъ, чувственъ и нерѣдко, сверхъ того, матеріаленъ; но этотъ способъ существованія самъ по себѣ, какъ таковой, не имѣетъ бытія; взятый въ отвлеченіи отъ метафизической сущности, онъ есть не реальная, условная „абстракція“, — созданіе того субъективнаго воображенія и той субъективной мысли, которая допустила этотъ актъ, произвольнаго отвлеченія; поскольку же этой абстракціи дѣйствительно соотвѣтствовало бы что-нибудь въ строеніи даннаго образа, постольку онъ былъ бы несовершененъ. Чувственный фрагментъ пронизанъ и освященъ разумностью такъ, что въ его лицѣ присутствуетъ въявь сама Божественная сила; разумъ изливается въ стихію инобытія, за-

хватывая ее и творя себя въ ней такъ, что *Божественная сила получаетъ чувственное бытіе*. Въ „образѣ“ нѣтъ „чисто-эмпирическаго“, но нѣтъ и „чисто-метафизическаго“; здѣсь можно еще говорить о различіи двухъ „законовъ“ или „порядковъ“, хотя одинъ изъ нихъ — низшій — преодолѣнъ и въ своей самобытности погашенъ; но реально двѣ стихіи уже не разнствуютъ. Высшая облекла себя въ низшую и стала „теперь“ и „здѣсь“ „этимъ существованіемъ“; низшая приняла въ себя высшую и стала вѣчною и всеобщею сущностью. Связь между ними такова, что тотъ, кто создаетъ эмпирическую ткань „образа“, творитъ дѣйствительность“ субстанціи; и тотъ, кто разрушаетъ чувственную видимость „образа“, разрушаетъ духовное откровеніе. Въ этомъ трагедія образовъ: *дѣйствительность Божіей жизни на землѣ подлежитъ судьбѣ временныхъ и преходящихъ вещей и подвержена смертности и концу*. Безсмертное является облеченнымъ въ смертность, и только вѣчная сущность „образа“, — „бытіе его быванія“ — избавлена отъ этого рока.

Все развитіе такъ называемыхъ у Гегеля „конкретныхъ“ наукъ посвящено раскрытію и обоснованію того, что въ мірѣ *имѣются* такіе образы: „дѣйствительные“, — ибо состоящіе изъ „сущности“ и „существованія“; побѣдные, — ибо осуществляющіе спекулятивный симбіозъ между двумя стихіями; божественные, — ибо вмѣщающіе подлинную силу Божію; временные и конечные, — ибо состоявшіеся въ чувственно-эмпирической ткани міра; и, наконецъ, восходящіе „по ступенямъ къ высшему и послѣднему одухотворенію, — къ „абсолютной“ *свободѣ*.

Таково прежде всего *Натуръ-Философское* ученіе о *естественномъ организмѣ*, впервые осуществляющемъ въ природной матеріи высшій законъ духовной жизни.

Естественный организмъ есть первый и простѣйшій „образъ“ міровой дѣйствительности. Онъ чувственно-материаленъ, пространственно-времененъ и, слѣдовательно, эмпирически ирраціоналенъ по внѣшнему способу существованія; и въ то же время онъ есть созданіе внутренней субъек-

тивности и самости Понятія, впервые изливающегося въ вещественную среду. Въ этомъ его дѣйствительность. Однако, эта „дѣйствительность“ имѣетъ характеръ не „явленія“, а образа, ибо являетъ побѣду „внутренняго“ надъ „внѣшнимъ“.

Естественный организмъ, въ силу своей матеріальной природы, неизбежно встрѣчается съ вещественнымъ инобытіемъ въ лицѣ окружающей его среды, вступаетъ съ нимъ во внѣшнюю борьбу и утверждаетъ свою дѣйствительность. Отдѣльныя стороны его входятъ въ отношеніе съ „другими вещами“ и вступаютъ черезъ это въ длительный процессъ измѣненій ¹⁾). Однако, организмъ обращается противъ притекающихъ извнѣ воздѣйствій, „заражаетъ“ собою привходящее ²⁾), превращаетъ его ³⁾ и приобщаетъ къ своей субъективности, отождествляетъ съ собою и дѣлаетъ „чужое“ своимъ достояніемъ ⁴⁾), „идеализируя“ его ⁵⁾ и тѣмъ поддерживая въ себѣ свое „самостное единство“ ⁶⁾). Такимъ путемъ организмъ преодолеваетъ свое сплетеніе съ инобытіемъ ⁷⁾ посредствомъ усвоенія его ⁸⁾ и въ этомъ „внѣшнемъ процессѣ“ своемъ онъ сходится или „сливается“ самъ съ собою ⁹⁾). Онъ не останавливается на противодѣйствіи внѣшнему объекту ¹⁰⁾, но стремится вообще освободиться отъ внѣшняго процесса ¹¹⁾ и обратиться внутрь. Поэтому онъ превращаетъ внѣшній процессъ въ его противоположность и направляетъ его на поддержаніе своего образа ¹²⁾. Этимъ онъ создаетъ себѣ возможность относиться къ ино-

1) Ph. G. 52. Aesth. I. 155—159. 177. 190—191. Beweise. A. 457. 461.

2) Срв., напр., Enc. II. 502 (Z) «inficiren».

3) Enc. II. 531. (Z) „verwandeln“.

4) Enc. II. 502. (Z).

5) Aesth. I. 153. 157. 158.

6) „Selbstische Einheit“. Enc. II. 549—550.

7) Enc. II. 630 (Z). 631. (Z).

8) Log. III. 228. Enc. II. 596. (Z). Beweise. A. 462.

9) Enc. II. 619.

10) Enc. II. 619.

11) „Diesen Process von sich wegschafft. Enc. II. 619. Aesth. I. 159.

12) Ph. G. 52.

бытію „совершенно равнодушно“ ¹⁾ и слагаться въ замкнутую, поддерживающую себя „вещь“ ²⁾. Онъ утверждаетъ себя, какъ тѣлесно-живую индивидуальность, какъ конкретное-цѣлое ³⁾, несущее *въ себя* свою всеобщность, въ отличіе отъ неорганическихъ вещей, имѣющихъ ее *внѣ* себя ⁴⁾.

Такимъ образомъ, природный организмъ относится къ *окружающимъ его вещамъ* такъ, какъ *Понятіе* относится къ *иррациональной стихіи міра* вообще; поэтому онъ есть первое раскрытіе или откровеніе силы Божіей въ мірѣ. Онъ есть осуществленіе Идеи въ мірѣ быванія ⁵⁾, явленіе Идеи въ природѣ ⁶⁾, — „чувственно объективная Идея“ ⁷⁾. Онъ есть *первый образъ* и потому *про-образъ* высшаго. Не выходя за предѣлы матеріальной вещественности, онъ свидѣтельствуется о томъ, что обѣ стихіи могутъ срастись въ „одушевленную тотальность“ ⁸⁾, что въ мірѣ возможенъ объективно существующій „идеализмъ“ ⁹⁾.

И при всемъ этомъ онъ сохраняетъ временное и конечное существованіе. Свойственная ему матеріальность подвергаетъ его року вещей, и процессъ его самоутвержденія имѣетъ однажды придти къ концу; неизбежное взаимодействіе съ другими вещами дѣлаетъ его ограниченнымъ и зависимымъ; его безсознательная природа ¹⁰⁾ указываетъ предѣлы его самостоятельности и свободѣ ¹¹⁾: уже субстанція и *еще не* субстанція; *уже* самодѣятельность и *еще* зависимость; *уже* организмъ и *еще* чувственная вещь. Это есть *первое овеществленіе спекулятивнаго закона*.

1) Phän. 210—211.

2) Phän. 199.

3) Log. III. 253.

4) Enc. II. 278. (Z).

5) „Dasein der Idee“. Aesth. I. 153.

6) „Naturerscheinung der Idee“. Aesth. I. 154. 155.

7) „Die sinnlich objektive Idee“. Aesth. I. 160.

8) Aesth. I. 161.

9) Aesth. I. 160.

10) Срв. напр. Enc. I. 377.

11) Aesth. I. 193.

Оно находитъ свое завершеніе въ душевно-тѣлесной жизни *человѣка*. Здѣсь „внутренняя сила“ получаетъ психическій характеръ: *душа* осуществляетъ себя въ *вещи*, а „внѣшняя матеріальность“ превращается въ *тѣло*; душа творитъ *себѣ* тѣло для того, чтобы раскрыть себя сначала *черезъ него*, а потомъ *независимо отъ него* и, можетъ быть, *вопреки ему*. „Человѣкъ“ есть новый „образъ“, болѣе высокій, чѣмъ естественный организмъ и открывающій новую перспективу уже не „природнаго“, а *духовнаго* восхожденія „Дѣйствительность“ *человѣка* въ томъ, что онъ состоитъ изъ „сущности“,—души,—и „существованія“,—тѣла. Принадлежность его къ „образамъ міра“ опредѣляется тѣмъ, что душа, какъ внутренняя спекулятивная сила, побѣждаетъ чувственно-эмпирическую косность матеріи и слагаетъ себѣ *живое и прекрасное тѣло*, являющее высшую законмѣрность ея бытія. Побѣда души надъ тѣломъ и выходъ ея въ самостоятельную и независимую *разумную* „дѣятельность“ раскрываетъ ея божественную силу: внѣшняя „природа“ проводится черезъ „смерть“¹⁾ „снятіе“²⁾ и „негацію“³⁾ для того, чтобы „молнія духа ударила“⁴⁾ въ чувственную матеріальность тѣла; природа „сожигаетъ себя, какъ фениксъ“ для того, чтобы духъ могъ выйти въ жизнь изъ этого огня⁵⁾. Такая героическая „негація“, завершающаяся самосознаніемъ и „бытіемъ для себя“⁶⁾, есть подлинное проявленіе силы Божіей. И тѣмъ не менѣе, *человѣкъ*, какъ таковой, сохраняетъ свое чувственно-матеріальное существованіе, свою временность, конечность и тѣлесную смертность, и послѣдняя практическая задача его жизни состоитъ въ томъ, чтобы придать самой смерти своей спекулятивное значеніе.

1) Срв. Енс. II. 691. 693.

2) Енс. II. 693. Срв. Енс. III. 43. (Z). 46. 175. (Z) и др.

3) Енс. III. 13.

4) Diff. 268. Это выраженіе принадлежитъ Шеллингу.

5) Енс. II. 695. (Z).

6) Срв. объ этомъ переходѣ Енс. II. 693. Rel. II. 50, а также главы о „сознаніи“ и „самосознаніи“ въ Phän. и Енс. III.

Высшимъ „образомъ“, выводящимъ человѣка изъ его единичности и конечности и открывающимъ ему путь къ „всеобщей“ жизни и спекулятивной смерти, является *соціальный организмъ* и его завершеніе—*государство*. Государство „дѣйствительно“, ибо состоитъ изъ „сущности“,—всеобщаго, субстанціального народнаго духа,—и „существованія“,—чувственно-эмпирическаго элемента, предстоящаго въ видѣ территоріи, климата, природы, хозяйства и множества тѣлесно-душевныхъ человѣческихъ индивидуальностей. Оно принадлежитъ къ „образамъ“, ибо осуществляетъ въ эмпирическихъ условіяхъ земнаго общенія органическую „конкретность“: сращеніе индивидуальностей во „всеобщность“ и жизнь духа въ преодолѣнной и одухотворенной средѣ разединенныхъ хотѣній и овеществленныхъ интересовъ. Государство есть дѣйствительность Божественной силы, открывающей себя въ совмѣстной жизни людей; оно есть явленіе Идеи во временномъ ряду исторіи. Отсюда его конечность и временность, его духовное значеніе и его предѣлъ.

Въ *искусствѣ* осуществляется новое, высшее сращеніе Понятія съ ирраціональной стихіей, сращеніе въ которомъ „внутреннее“ уже не стремится высвободиться изъ „внѣшняго“, какъ это имѣетъ мѣсто въ жизни организма, человѣка и государства, но зрѣетъ замкнуто, самозаконно и лишь затѣмъ свободно выходитъ въ сферу инобытія, чтобы явить состоявшееся откровеніе.

Созданія искусства „дѣйствительны“, какъ *чувственныя явленія духа*. Художественное творчество имѣетъ свой особый способъ осознанія и изображенія предмета, и именно этотъ способъ вводитъ его въ предѣлы эмпирически-чувственной сферы. Элементомъ Духа въ искусствѣ служитъ „созерцаніе и образъ“¹⁾, „чувственное бываніе“²⁾, „внѣшній данный матеріаль“³⁾, „внѣшнее существованіе“⁴⁾. Даже

¹⁾ Recht. 430.

²⁾ Enc. III, 335 (Z).

³⁾ Enc. III, 442.

⁴⁾ Aesth. I. 39. 105. 106. 206.

„самое высокое“ искусство изображает „чувственно“¹⁾, т.-е. въ такой формѣ, которая „отчетливо противостоитъ мысли“²⁾. Изображаемое содержаніе существуетъ въ видѣ естественнаго³⁾, непосредственнаго⁴⁾ явленія⁵⁾. Именно „чувственно-образный видъ дѣлаетъ“ нѣчто произведеніемъ искусства⁶⁾: этотъ способъ „раскрытія“⁷⁾ или „изображенія“⁸⁾ составляетъ самую природу его. Всеобщность является здѣсь вполне индивидуализированной⁹⁾; она „поставляется передъ очами въ чувственно-единичномъ“ видѣ¹⁰⁾, какъ „индивидуальный“ образъ „дѣйствительности“¹¹⁾, какъ „воплощеніе духа“¹²⁾.

Именно „Духъ“ есть то, что воплощается въ образахъ прекраснаго искусства и что придаетъ ему значеніе духовнаго самопознанія. Предметомъ и содержаніемъ искусства и эстетическаго творчества является сама „истина“¹³⁾, Идея¹⁴⁾, т.-е. само Божество. Искусство есть особый способъ „выговаривать божественное“¹⁵⁾, или, что то же, „изображать Абсолютное“; подобно спекулятивной философіи, оно есть „богослуженіе“¹⁶⁾, „живое созерцаніе абсолютной жизни и тѣмъ самымъ пребываніе въ единствѣ съ нею“¹⁷⁾. То, что изображаютъ произведенія искусства,

1) Aesth. I. II. 8. 47. 73. 91. 94. 102. 317 и др.

2) «dem Gedanken ausdrücklich gegenübersteht», Aesth. I. 17.

3) Enc. III. 441. Aesth. I. 60.

4) Aesth. I. 52—53. 94.

5) Aesth. I. 60. 206.

6) Aesth. I. 67.

7) «enthüllt die Wahrheit in Form sinnlicher Kunstgestaltung». Aesth. I. 73. 132. 197.

8) «sinnliche Darstellung». Aesth. I. 91.

9) Aesth. I. 68. 92—93. 96. 232; срв. 255. 316.

10) Aesth. I. 68. 92—93.

11) Aesth. I. 96.

12) Срв. der „Geist sich verleiblicht.“ Aesth. I. 215.

13) Aesth. I. 73.

14) 5 Rec. 213; срв. 3 lat. 313. Enc. III. 335. (Z). Aesth. I. 94. 96. 97.

15) Aesth. I. II. 225.

16) „Gottesdienst“. Diff. 270.

17) „Lebendiges Anschauen des absoluten Lebens und somit ein Einssein mit ihm“. Diff. 270.

то, надъ чѣмъ бьется, страдая и радуясь, душа художника, есть само „спекулятивное Понятіе“, т.-е. Духъ въ его существенной природѣ; это есть „истинное Всеобщее или Идея“ ¹⁾, сама „метафизическая Всеобщность“ ²⁾, само „Разумное“ ³⁾, сущая конкретная духовность ⁴⁾. Каждое произведеніе настоящаго искусства постигаетъ и открываетъ нѣкое „классическое“ состояніе Духа, самоопредѣляющагося въ своемъ пути,—нѣкое „идеальное, всеобщее міровое состояніе“ ⁵⁾, выражающее природу Божества и осуществляющееся во „внутренней природѣ вещей“ ⁶⁾. Искусство рождается изъ Духа и въ духъ и потому сплетается корнями своими съ природой, религіей, нравственностью и философій ⁷⁾. *Откровеніе* есть содержаніе искусства, и чловѣкъ, эстетически творящій, есть „художникъ Бога“ ⁸⁾.

Таково двойное строеніе „образовъ“ искусства. Понятно, что оно сводится къ единству только благодаря тому, что чувственный и вещественный матеріаль оказывается способнымъ къ одухотворенію. Такъ, въ истинномъ произведеніи искусства конкретное-эмпирическое является „лишь знакомъ Идеи“ ⁹⁾, лишеннымъ самостоятельности ¹⁰⁾ и самодовлѣнія. Рожденное въ духъ и пребывающее въ лонѣ Духа ¹¹⁾, оно получаетъ „духовное крещеніе“ ¹²⁾ и изображаетъ лишь то, что соотвѣтствуетъ божественной природѣ. Искусство снимаетъ съ произведеній своихъ „обманчи-

¹⁾ Enc. III. 335 (Z); срв. Aesth. I. 68.

²⁾ Aesth. I. 30.

³⁾ Срв. Aesth. I. 82.

⁴⁾ Срв. Aesth. I. 93. 103. 325.

⁵⁾ См. Aesth. I. 229—252; „der ideale Weltzustand“, 252; „einen allgemeinen Weltzustand“, 253.

⁶⁾ Срв. Aesth. I. 232.

⁷⁾ Срв. Enc. III. 440—446; особенно 444—445; а также Log. III. 328. Aesth. I. 108—116 и главы о природѣ.

⁸⁾ „Meister des Gottes“, Enc. III. 443.

⁹⁾ „nur Zeichen der Idee“. Enc. III. 441. Срв. Aesth. I. 215.

¹⁰⁾ Срв. Enc. III. 445. Aesth. I. 144. 325.

¹¹⁾ Aesth. I. 18.

¹²⁾ Aesth. I. 39.

вую видимость дурного, преходящаго міра“ и сообщает имъ „высшую, духовно-рожденную дѣйствительность“, приобщаетъ ихъ „высшей реальности“¹⁾. Духъ подчиняетъ себѣ чувственную матерію, очищаетъ ее²⁾ и одухотворяетъ; все то, что привнесено дурной случайностью и самозаконностью иррациональной стихіи, человѣческой духъ, внемля зову божественнаго Духа, отрицаетъ, „снимаетъ“ и удаляетъ³⁾. Все же оставляемое „идеализируется“⁴⁾, насыщается значительностью Божія бытія, слагается по его закону, заживаетъ его жизнью. Чувственная наличность сохраняется⁵⁾, но освобождается отъ оковъ голой матеріальности⁶⁾, выводится изъ чаши конечнаго бытія и случайной неудачливости⁷⁾. Произведеніе искусства остается вещью⁸⁾ и внѣшней единичностью⁹⁾, но утрачиваетъ свою дурную самобытность¹⁰⁾ и свое равнодушіе къ духовному¹¹⁾. Чувственное одухотворяется и духовное является въ чувственномъ видѣ¹²⁾: око зреть „чистое тѣло внутренней красоты“¹³⁾.

Искусство достигаетъ того, что чувственный фрагментъ, „просвѣтленный“¹⁴⁾ Духомъ, становится носителемъ Духа, его осуществленнымъ „образомъ“, въ которомъ нѣтъ ничего, что идетъ не отъ Духа¹⁵⁾, который „зачать и рожденъ“, незапятнанный дурной субъективностью¹⁶⁾. Это

1) Aesth. I. 13.

2) Aesth. I. 200.

3) Срв. Aesth. I. 113. 200. 200. 206. 206. 227.

4) Aesth. I. 51. 111—112. 113. 215.

5) Aesth. I. 51. 65.

6) Срв. Aesth. I. 51. 65.

7) Срв. Aesth. I. 51. 102. 109.

8) Aesth. I. 51.

9) Aesth. I. 51.

10) Срв. Glaub. 7. Aesth. I. 150.

11) Aesth. I. 211.

12) Aesth. I. 52. 115.

13) „der reine Leib der inneren Schönheit“. Glaub. 7.

14) „verklären“. Enc. III. 441. Aesth. I. 204. 205.

15) Enc. III. 441. Aesth. I. 110. 195.

16) „von Subjektiver Besonderheit... und von deren Zufälligkeit unbefleckt empfangen und herausgeboren“... Enc. III. 443.

означаетъ, что между Идеей и ирраціональной стихіей осуществляется великое примиреніе ¹⁾, основанное на *взаимномъ пріятіи и проникновеніи*.

Въ образахъ „прекраснаго искусства“ ни чувственный элементъ, ни духовная сущность не представляютъ изъ себя чего-то внѣшняго и самостоятельнаго ²⁾: чувственное не есть „только оболочка“ ³⁾ духа; оно не только „соотвѣтствуетъ“ ⁴⁾ или „соразмѣрно“ ⁵⁾ ему; нѣтъ, оно „проникнуто“ ⁶⁾ спекулятивнымъ содержаніемъ, оно „совершенно усвоено“ имъ ⁷⁾ такъ, что даже „случайность“ конечнаго міра оказывается одухотворенной и сохраненной, ибо образу искусства присуща „видимость ненарочной случайности“ ⁸⁾. „Матерія“ становится „адекватною“ ⁹⁾ Духу; она вся черезъ Духъ: *ею* „выраженіе“ ¹⁰⁾, *ею* „излученіе“ ¹¹⁾, *ею* „манифестация“ ¹²⁾. Подобно тому, какъ глазъ есть „сѣдалище души“, и вся душа цѣликомъ свѣтится изъ его глубины, такъ искусство „дѣлаетъ каждый свой образъ тысячеглазымъ Аргусомъ, такъ, чтобы внутренняя душа и духовность“ сіяла изъ каждаго „пункта“ его поверхности ¹³⁾ и притомъ *вся—отовсюду* ¹⁴⁾. Тогда между Духомъ и чувственностью возникаетъ единство ¹⁵⁾: обѣ стороны работаются ¹⁶⁾, врастаютъ ¹⁷⁾ одна въ другую; гармонія ¹⁸⁾,

1) „versöhnt“. Срв. Aesth. I. 91. 115. Enc. III. 443.

2) Aesth. I. 68.

3) „blosse Hülle“. Aesth. I. 67—68.

4) „entsprechen“. Aesth. I. 92—93. 94. 103.

5) „gemäss“. Aesth. I. 93. 196. 199. 201.

6) „durchdrungen“. Aesth. I. 18.

7) „vollständig angeeignet“. Aesth. I. 107.

8) Aesth. I. 150.

9) Aesth. I. 200.

10) Enc. III. 445.

11) „Scheinen“. Aesth. I. 144.

12) Aesth. I. 107.

13) Aesth. I. 197.

14) Aesth. I. 197.

15) „Eins sein“, Einheit“, „Ineinsbildung“. Aesth. I. 53. 82. 94. 103.

16) „ineinander gearbeitet“. Aesth. I. 94.

17) „ineinander verwachsen“. Aesth. I. 68.

18) „Harmonie“. Aesth. I. 200.

согласіе ¹⁾, созвучіе ²⁾ ихъ превращаются въ интимную ³⁾ и неразрывную ⁴⁾, неразличимую ⁵⁾ сращенность, въ „завершенное взаимопроникновение“ ⁶⁾, въ растворенность ⁷⁾ и поглощенность ⁸⁾. Возникаетъ спекулятивное тождество чувственного-индивидуального и сверхчувственного-всеобщаго. „Всеобщее настолько же приобрѣтаетъ черезъ единичность конкретное существованіе, насколько субъективность единичнаго и особеннаго лишь во Всеобщемъ находитъ непоколебимую базу и подлинное содержаніе для своей дѣйствительности“ ⁹⁾. Всеобщее, поглощая единичность, вноситъ въ нее свою высшую спекулятивную согласованность ¹⁰⁾ и превращаетъ чувственный образъ въ тотальность ¹¹⁾, и обратно—чувственный образъ даетъ Всеобщности адекватное осуществленіе и индивидуально-опредѣленное бытіе ¹²⁾.

Въ этомъ высшемъ *спекулятивномъ симбіозѣ* „истинный образъ“ истиненъ потому, что „истинна выраженная имъ Идея“ ¹³⁾; чувственное освящено сіяніемъ Идеи ¹⁴⁾ и являетъ собою „тріумфъ сосредоточенной въ себѣ свободы“ ¹⁵⁾. Вотъ откуда проистекаетъ та высшая удовлетворенность ¹⁶⁾ и освобожденность ¹⁷⁾, которая присуща созданіямъ „прекраснаго искусства“. Образы его полны блаженнаго покоя ¹⁸⁾,

1) „Zusammenstimmung“. Aesth. I. 149. 199—200.

2) „Einklang“. Aesth. I. 201.

3) „Innigkeit“. Aesth. I. 94. 203.

4) „trennungslos“. Aesth. I. 232.

5) Aesth. I. 185.

6) „vollendete Durchdringung“. Aesth. I. 149; срв. 188.

7) „Verschmolzensein“. Aesth. I. 103.

8) „verschlungen“. Aesth. I. 201.

9) Aesth. I. 231. 232. 185.

10) Aesth. I. 199—200.

11) Срв. Aesth. I. 302.

12) Срв. Aesth. I. 252—313.

13) Aesth. I. 97.

14) Срв. „Sinnliches Scheinen der Idee“. Aesth. I. 144.

15) Aesth. I. 202.

16) „Befriedigung“. Enc. III. 446. Aesth. I. 202.

17) „Befreiung“. Enc. III. 446. Aesth. I. 65.

18) „Selige Ruhe“. Aesth. I. 204. 202. 203.

свѣтлаго радованія ¹⁾, самодовлѣющей ²⁾ законченности ³⁾. „Идеальный образъ искусства стоитъ передъ нами, какъ нѣкій блаженный Богъ“ ⁴⁾, *внутренно свободный во внѣшнемъ бытїи* ⁵⁾, безъ заботы объ иномъ ⁶⁾, чувственно-духовный; онъ есть осуществленная въ мїрѣ красота ⁷⁾, „абсолютная Идея“ ⁸⁾.

И все же, несмотря на то, что искусство есть сонмъ дѣйствительныхъ „образовъ“ Божества на землѣ, оно *не* есть *высшїй* способъ ⁹⁾ жизни, свойственный Духу. Самая форма существованія, противоположная мысли ¹⁰⁾, получаетъ ограничивающее значеніе: Понятіе живетъ здѣсь *не въ видѣ* понятія ¹¹⁾, оно отчуждено отъ своей настоящей атмосферы ¹²⁾ въ сторону чувственнаго и внѣшняго, гораздо болѣе даже, чѣмъ, на примѣръ, въ религіи ¹³⁾. Въ прекрасномъ искусствѣ Божество *предаетъ* себя образному и созерцательному существованію, оно облекается въ конечную и переходящую ткань, въ видимые и осязаемые облики, оно творитъ себя, какъ *овеществленную* духовность, т.-е. не въ истинномъ своемъ элементѣ ¹⁴⁾. Именно поэтому осуществленная красота остается примиряющей серединой, сочетающей въ себѣ *обѣ* стихїи, хотя и по закону *высшей*.

Религія, основанная на откровенїи, есть послѣдняя ступень дѣйствительности, сотканная органически изъ Разума и не-

1) „Heiterkeit“. Aesth. I. 202. 203.

2) „Sichselbstgenügen“. Aesth. I. 202.

3) „Beschlossenheit“. Aesth. I. 202.

4) „Wie ein seliger Gott“. Aesth. I. 202.

5) Aesth. I. 218.

6) Срв. Aesth. I. 218.

7) Срв. Aesth. I. 107.

8) Aesth. I. 120.

9) „Weise“ Log. III. 328; ср. о спекулятивномъ „рангѣ“ искусства. Aesth. I. 14. 93. 94. 102. 123. 124. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 201. 225. 226 и др.

10) Срв. Aesth. I. 17.

11) Aesth. I. 8. 51. 51. 34. 201.

12) Aesth. I. 18.

13) Ph. G. 39.

14) Aesth. I. 103. 104; срв. 186.

разумной стихии. Она есть высшая ступень въ ряду „образованій“ потому, что она не только созрѣваетъ, но, и созрѣвъ, пребываетъ въ элементѣ „внутренняго“, въ элементѣ „познающаго созерцанія“, являясь во внѣ лишь въ стадіи исповѣдующаго культа.

Въ качествѣ дѣйствительнаго „образа“ религія включаетъ въ себя, съ одной стороны, неразумныя состоянія: Душа, религіозно обращенная къ Богу, *чувствуетъ и ощущаетъ* его. Внѣ чувства нѣтъ религіи ¹⁾; но именно поэтому религія всегда причастна *эмпирической душевности*, ибо чувство остается субъективнымъ, случайнымъ и неразумнымъ по природѣ своей.

Однако, въ религіи откровенія субъективное и неразумное чувствованіе приѣмлетъ въ себя *подлинную силу Божію*. Это есть *истинная* религія, и поэтому она состоитъ въ дѣйствительномъ раскрытіи Богомъ своей природы человѣку. Богъ есть Духъ, а *откровеніе* есть самая сущность, самый *смыслъ* (Sinn) духовности ²⁾. Это означаетъ, что „Богъ есть и даетъ себя“ именно „въ отношеніи своемъ къ человѣку“ ³⁾. Со стороны Божества нѣтъ и не можетъ быть препятствій ⁴⁾ къ тому, чтобы въ человѣкѣ состоялось богопознаніе. Ибо къ самой сущности Божіей принадлежить то, чтобы *быть въ элементѣ сознанія и познанія*; сознаніе же принадлежить только человѣку ⁵⁾ и потому Богъ можетъ открыть себя только ему, который есть „духъ“ ⁶⁾.

Нелѣпо и чудовищно было бы приписывать Богу опасливое, ревнивое скриваніе отъ человѣка своей благодатной природы. По преданію еще въ Афинахъ былъ законъ, по которому человѣкъ, не позволившій другому зажечь свой

1) „Die Religion muss gefühlt werden, muss im Gefühl sein, sonst ist sie nicht Religion“. Beweise. 317.

2) Enc. III. 447.

3) Beweise. 328. Курсивъ принадлежить Гегелю.

4) „Von Seiten Gottes kann... nichts im Wege stehen“. Beweise. 330.

5) Срв., напр., Beweise. 300. 318.

6) Срв. Beweise. 330 и др.

огонь объ его огонь,—присуждался къ смертной казни¹⁾. Даже физическому свѣту и пламени свойственно сообщаться, распространяться и предаваться „инобытію“, не теряя своей природы и не умаляясь въ своей силѣ; тѣмъ болѣе свойственно природѣ Духа пребывать вѣрнымъ себѣ и не искажаться въ откровеніи, даруемомъ человѣку²⁾. Все это можетъ быть ясно и не-философскому сознанию. Духъ Божій свободенъ отъ всякой ревности и зависти³⁾. Зависть есть отношеніе *одного субъекта къ другому*; это есть враждебность *лишеннаго къ обладающему*, нелюбовное, отъединенное противостояніе существа, страдающаго отъ своей скудости. И вотъ, все это мертво въ жизни Божіей и неприменимо къ единой и единственной, всеобъемлющей субстанціи. Богъ есть бытіе не скудное и не ограниченное, но богатѣйшая тотальность. Оно не „противостоитъ“ ничему и не пребываетъ въ отъединеніи; напротивъ, онъ во всемъ видитъ и знаетъ только себя, имѣетъ дѣло только съ собою и даже „инобытіе“ свое, созданное имъ самимъ, онъ возвращаетъ къ себѣ властнымъ зовомъ и творческимъ, побѣждающимъ усиліемъ. Самое откровеніе, исходящее отъ него, пріемлется имъ же самимъ: Богъ есть Субъектъ, открывающій себя; и Богъ есть субъектъ, воспріемлющій, *подъ видомъ человеческого существа*, свое откровеніе. Откровеніе есть *Божіе самопознаніе*, т.-е. *сознаніе имъ себя въ человеческой душѣ*⁴⁾.

Это означаетъ, что человѣческая душа, переживая религію откровенія, исполнена присутствія Божія. Религія есть жизнь и „только жизнью можетъ быть постигнута и вмѣщена Богъ“⁵⁾; ибо Богъ есть сама жизнь. Но тайна откровенія состоитъ въ томъ, что, когда человѣкъ живетъ душою „въ Богѣ“, то это самъ Богъ живетъ *въ его душѣ* и

1) Beweise. 329.

2) Beweise. 329—330.

3) „Gott nicht neidisch ist“. Beweise. 329. 330. Срв. Enc. III. 447.

4) См. Enc. III. 448 и др.

5) Nohl. 318.

его душою. Истинная „вѣра въ Божественность возможна только тогда, если въ самомъ вѣрующемъ есть Божественное“ ¹⁾, ибо „только модификація Божества можетъ познать его“ ²⁾. „Въ каждомъ человѣкѣ“ есть этотъ „свѣтъ и эта жизнь“; и душа его не только освѣщается этимъ свѣтомъ на подобіе „темнаго тѣла, несущаго на себѣ лишь чужое сіяніе“, но загорается сама и горитъ своимъ собственнымъ огнемъ ³⁾. И этотъ огонь есть сама жизнь, сама „любовь“ ⁴⁾, само Божество, ибо Божество есть всепроникающая сила любви ⁵⁾. Богъ живётъ дѣйствительно въ душѣ человѣка, такъ, какъ Лоза присутствуетъ въ вѣтвяхъ своихъ ⁶⁾, такъ, какъ Всеобщее входитъ въ свои единичности; и самъ пробуждаетъ въ душѣ человѣка вѣру и восхождение ⁷⁾ къ богопознанію.

И все же, несмотря на это, спекулятивное тождество „чувствующей души“ съ Богомъ, *религія откровенія* остается въ сферѣ *дѣйствительности* и не входитъ въ предѣлы *чистой реальности*. Религія есть „образъ“ дѣйствительности, соединяющій въ себѣ подлинное бытія Божіе и *эмпирически-иррациональную форму его жизни*. Религія есть жизнь Бога въ *субъективности* ⁸⁾ *чувствующей души*; правда, „естественное чувство сердца“ оказывается здѣсь „связаннымъ“ и подчиненнымъ „свободному Духу“ ⁹⁾, но сущность Божества высказывается ею все же *на не-божественномъ языкѣ „людей“* ¹⁰⁾. Поэтому даже въ откровенной религіи душа живетъ *во истину* и живетъ *истиною*, но живетъ *не истинно*. Правда, религія откровенія и философія имѣютъ одно и то же со-

1) Nohl. 313.

2) Nohl. 313.

3) Nohl. 313.

4) Nohl. 391.

5) Срв. Log. III. 39—40. Nohl. 391.

6) Nohl. 391. 314. Срв. Prop. 203.

7) Beweise. 356.

8) Епс. III. 440.

9) Hinr. 296.

10) Епс. I. XXI.

держаніе ¹⁾); правда, религія, какъ „достоверная увѣренность“ ²⁾, какъ сознаніе „объективнаго содержанія истины“ ³⁾,—несетъ въ себѣ элементы знанія ⁴⁾, нуждается въ мысли ⁵⁾, ведетъ къ философскому познанію ⁶⁾);—но истинный переходъ ея отъ чувства и „сердца“ ⁷⁾ къ мысли—дѣлаетъ ее уже *философией*: только для мысли „содержаніе религиознаго ощущенія не есть чувственное созерцаніе и чувственное представленіе“ ⁸⁾.—

Такъ въ „образахъ міра“ открывается возможность примиренія между обѣими стихіями, возможность ихъ взаимнаго проникновенія, ихъ конкретнаго симбіоза, слагающагося по закону Понятія. Чувственно-эмпирическое настолько пропитывается жизнью Понятія, что вступаетъ съ нимъ въ органическое тождество. Слѣдуя голосу предмета, Гегель вынужденъ былъ признать, что Духъ можетъ стать вещью и внести въ нее законъ своей жизни, и что Духъ можетъ овладѣть неразумными силами души и раскрыть *въ нихъ и для нихъ* свою божественную природу. „Образы міра“ являютъ обѣ стихіи не „рядомъ“, но *одну въ другой*. Такъ, образъ красоты не есть „сумма“ или „агрегатъ“ чувственнаго и сверхчувственнаго; нѣтъ, это есть *овеществившая себя Идея* или *Духъ, сущій во образъ вещи*. Образъ „души, принявшей откровеніе“ осуществляетъ не „схожденіе“, или „соприкосновеніе“, или „общеніе“ Бога и души; нѣтъ, это есть *самооблеченіе Бога въ чувственную душу* или *созерцаніе душою своей божественной природы*. Душа, пріемлющая откровеніе есть *божественная душа*.

¹⁾ Срв. Phän. 419. 509. Log. III. 328. Enc. I. XXI. 3. Enc. III. 429. 430.. 438. 446. 453. Recht. 333. Briefe II. 77. Prop. 203. 205.

²⁾ Enc. III. 441. Beweise. 335.

³⁾ Срв. Enc. III. 429. 441. Recht. 333. Hinr. 229. Briefe. II. 75—77.

⁴⁾ Nohl. 289. Diff. 185. Glaub. 103. Phän. 419. 509. 511. Enc. III. 440. Beweise. 311. 324. Prop. 203.

⁵⁾ Enc. I. 5. 14. 35. 107. Enc. III. 117—118. 359. 366. Beweise. 324. 373. Beweise. C. 482.

⁶⁾ Phän. 512. 578. Beweise. 297. Prop. 203.

⁷⁾ Enc. III. 117—118.

⁸⁾ Beweise. 301.

Таковъ былъ духъ Христа. Исусъ явилъ чувству и чувственному созерцанию осуществленіе того процесса, въ которомъ слагается весь путь Божій въ его цѣломъ ¹⁾: Разумъ сталъ плотію и принялъ чувственно-эмпирическое, индивидуально-человѣческое обличіе; онъ осуществилъ въ этой субъективной душѣ само-осознаніе своей божественности, и, отринувъ въ тѣлесной смерти своей („негациа“) форму конечнаго и личнаго бытія, растворился во Всеобщность Духа, проникающаго и одухотворяющаго жизнь религіозной общины, церкви ²⁾. Христось, этотъ „единичный человѣкъ, въ видѣ котораго открылась абсолютная сущность“, свершилъ на себѣ все „движеніе чувственнаго бытія“ ³⁾. Онъ осуществилъ собою „непосредственное“ и „чувственное существованіе абсолютно-конкретнаго“ ⁴⁾ и міръ созерцалъ въ немъ „единство божественной и человѣческой природы“ ⁵⁾. Религіозная сущность христіанской религіи, какъ религіи „абсолютной“ ⁶⁾, опредѣляется именно благою вѣстью объ осуществимости „органическаго тождества“ человѣка и Бога; это евангеліе было явлено не словомъ только, но реальнымъ осуществленіемъ, асти, и притомъ въ формѣ, доступной земному зрѣнію.

Раскрыть это откровеніе *въ разумной формѣ*, адекватной самому открывающемуся Разуму и утвердить божественную сущность того, что обычно называютъ „міромъ“, но что слѣдуетъ называть „*дѣйствительнымъ* міромъ“ — стало задачей философіи.

¹⁾ Срв. метафизическое истолкованіе тринности Епс. II. 22—24 (Z). Епс. III. 449—450. Rel. II. 181—288.

²⁾ См. Phän. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 577. 583. 584. 585. 587. 589. 590. 592.

³⁾ Phän. 573.

⁴⁾ Епс. III. 450.

⁵⁾ Phän. 570. Замѣчательно, что въ своей первой работѣ, посвященной христіанству („Das Leben Iesu“ Nohl. 73—136), Гегель пытался исключить метафизическій и мистическій элементъ въ пониманіи личности Христа, но скоро убѣдился въ недостаточности чисто моральной концепціи.

⁶⁾ Phän. 569. Rel. II. 181—288.

И, разрѣшая эту задачу, философія слагаетъ ученіе о *тройной „реальности“ Идеи*. Понятіе, какъ таковое, *однажды* уже тождественно съ реальностью; оно, само по себѣ, есть *живая творческая сила*, единственное живое, само творчество, абсолютная сила; его присутствіе равносильно бытію и реальности; его отсутствіе означаетъ объективное ничтожество. *Вторично* Понятіе сообщаетъ себѣ „реальность“ въ „Логикѣ начала“, предвѣчно раскрывая свою сущность въ непосредственномъ самомышленіи и восходя къ исчерпывающему категоріальному богатству; оно становится абсолютной Идеей. И вотъ, въ *третьей разѣ* Понятіе пріобрѣтаетъ „объективную реальность“ срастаясь воедино съ ирраціональною стихіей. Элементъ чувственнаго инобытія получаетъ значеніе нѣкоторой „объективности“¹⁾, въ которую вработывается „субъективность“ Духа, или,—значеніе нѣкоторой внѣшней „реальности“²⁾, которою овладѣваетъ внутренняя „идеальность“ Понятія. Оказывается, что сфера „дѣйствительности“ реальнѣе, чѣмъ сфера предвѣчной „логической реальности“; что Идея, создавшая себя *до міра*, не есть еще „истинная“ и „настоящая“ Идея; что *истинная Идея* возникаетъ лишь въ результатѣ *третьей реализаціи: сращенія Понятія съ ирраціональнымъ бываніемъ*³⁾. Абсолютная Идея возстаетъ, такимъ образомъ, изъ *органическаго сращенія Разума съ неразумною чувственностью*. Ирраціональная стихія является *необходимымъ* для Духа и обогащающимъ его ингредиентомъ: *реализація Духа состоитъ въ постепенномъ усвоеніи ея, въ сращеніи, побѣждающемъ ея беззаконіе, но пріемлющемъ ея качество*.

Такова окончательная и самая глубокая попытка Гегеля изобразить „переходъ“ абсолютнаго къ относительному. Эта попытка приводитъ его къ *процессуализаціи* ихъ соотношенія и отсюда вся философія его получаетъ тотъ харак-

1) См., напр., Enc. I. 45. Aesth. I. 121. 144. 150.

2) См. напр., Recht. 148. Aesth. I. 138. 148. 149.

3) Срв. Recht. 20. 22. 22. (Z). 66. 78; особенно Recht. 132. 366. Aesth. 138. 185 и др.

теръ *историзма*, который можетъ считаться общепризнаннымъ. Однако историзмъ Гегеля получаетъ свой истинный характеръ не отъ временной послѣдовательности *безразумныхъ* и случайныхъ эмпирическихъ обстоятельствъ: и не отъ сопоставленія *полу-разумныхъ*, двоящихся явленій; но отъ *спекулятивно-необходимаго и закономѣрнаго восхожденія разумныхъ „образовъ міра“*. Историзмъ Гегеля опредѣляется восходящимъ рядомъ побѣдъ разума „на землѣ“. Эта исторія есть *сверхвременная, метафизическая исторія*; она повѣствуетъ о *теогоническомъ процесѣ въ космосѣ*; и послѣдовательность событій, о которой она говоритъ, остается всегда *спекулятивной послѣдовательностью духовныхъ событій*: она изображаетъ всѣ возможныя формы *органическаго сращенія двухъ стихій* и ихъ *симбіоза по закону Понятія*.

Послѣдовательность эта опредѣляется началомъ *свободы*.

И. А. Ильинъ.
